

ЧЁРНОЕ ДЕРЕВО

Альберто Васкес-Фигероа

Альберто Васкес-Фигероа

Черное дерево

«Издательство «Перо»»

1975

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Васкес-Фигероа А.

Черное дерево / А. Васкес-Фигероа — «Издательство «Перо»,
1975

ISBN 978-5-906933-48-5

Повесть написана в динамичной манере кинематографического сценария. Описанные события разворачиваются в Африке, основные действующие лица: фотограф-европеец и его жена-африканка, выдающаяся спортсменка и отчаянная идеалистка, пытающаяся привлечь внимание западного мира к своей несчастной, бедной африканской стране. Во время их свадебного путешествия по Африке женщину похищают, и именно с этого момента начинается «одиссея» несчастного мужа в поисках своей жены, которую ведут тайными и запутанными тропами через весь континент до Аравийского полуострова с тем, чтобы продать за весьма значительную сумму некоему шейху.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-906933-48-5

© Васкес-Фигероа А., 1975
© «Издательство «Перо», 1975

Альберто Васкес-Фигероа

Чёрное дерево

Alberto Vázquez-Figueroa
Ebano

Copyright © Vazquez-Figueroa

* * *

До рассвета оставался еще час, но все уже были на ногах и начали переход через густой тропический лес.

Где-то наверху, над кронами гигантских деревьев шел дождь, но внизу был слышен лишь шум падающих капель, запутавшихся в густой листве и ветвях, с трудом просачивающийся через плотный лесной полог, раскинувшийся над головами. Перешли вброд небольшую речушку, прошли заболоченную низину, затем пересекли еще одну реку и еще одну, где на берегу, в кустах, заметили силуэт одинокого слона, но, почуяв присутствие человека, он поспешил скрыться в густом лесном сумраке первых утренних часов.

А чуть позже сельва начала редеть и наконец-то вышли на открытое пространство, на бескрайнюю саванну, покрытую высокой травой, с зарослями акации, разбросными неровными группами то тут, то там, перемежающиеся с необычным кустарником, у которого стволы были лишены коры, а ветви поднимались высоко над головами путников.

Типичный африканский пейзаж: бесконечная, однообразная, разогретая солнцем равнина, дремлющая в жаркий полдень под усыпляющий, однообразный стрекот цикад, колышущаяся, словно море, в потоках скользящего над ней легкого ветерка. И по мере того, как они шли по этой равнине, у Давида возникло редкое чувство, что наконец-то он нашел и открыл для себя настоящую Африку, ту, о которой столько читал в детских приключенческих книгах.

Вдруг Донго остановился и показал рукой на что-то впереди, на расстоянии метров двести или около того. Давид взглянул в указанном направлении, прищурился, стараясь получше рассмотреть то, что там двигалось среди высокой травы цвета спелой пшеницы. С той стороны донесся сильный сухой треск, будто два каких-то предмета ударили друг о друга, и он сразу же понял, что стал свидетелем удивительного природного спектакля, разворачивающегося прямо перед его глазами – два самца антилопы импала бились на живописном, разноцветном фоне небольшой рощицы из древовидных акаций, где золотисто желтый цвет постепенно переходил в медно-красный, перетекая затем в зеленый или темно коричневый.

Он сделал знак Ансок и туземец осторожно положил на землю тяжелый чемодан. Давид немного засомневался, что взять: «Хассельблад» или «Никон». Решил, что все-таки «Никон» будет лучше – камера более легкая и быстрая, хотя и уступает в качестве снимков первому, но громкий щелчок затвора «Хассельблад» мог спугнуть животных, а здесь, в саванне, никто позировать не будет, не успел – значит промахнулся.

Он пошел вперед очень медленно, осторожно ступая по сухой земле, тихо раздвигая высокую траву, словно собирался совершить что-то противозаконное, что-то постыдное с самой Матерью-Природой. Так он прошел вперед метров на двадцать. Остановился, перевел дыхание и продвинулся еще на тридцать метров, затем на сорок, а антилопы продолжали поединок, нанося друг другу удары рогами, затем отступали, чтобы собраться с силами и в этот момент кто-нибудь из них начинал яростно мычать, стараясь испугать соперника.

Прикрываясь высоким кустарником, он выбрал позицию поудобнее, на расстоянии метров в пятьдесят от животных и сделал пару снимков. Замер, ощущая необыкновенное едине-

ние с природой, восхищенно наблюдал за тем, как два самца сражались во имя любви не на жизнь, а на смерть, точно так же как делали это все предыдущие поколения антилоп с тех далеких времен, когда человека еще не было и в помине.

А сейчас вот они, собрались все вместе: актеры и зрители, звери, природа и человек... и необыкновенная тишина.

Давид мог бы простоять вот так – замерев среди кустов, с камерой на шее, хоть весь день, зачарованный, как в тот самый день, когда впервые увидел сказочную газель, бегущую по дорожкам Олимпийской Деревни.

Смотрел на нее, забыв обо всем на свете, пораженный, загипнотизированный величественной грацией и элегантностью, с которой то невероятное тело почти летело, едва касаясь земли ногами, будто для нее это не составляло никакого труда, словно это была простая детская игра не требующая никаких усилий.

– Пробеги еще раз для меня, – попросил он, – а то я не успел сделать ни одного снимка...

– Сожалею, но... я тренировку уже закончила.

– Твое фото будет в «Пари Матч»... В «Штерне»... В «Темпо»...

– Если в пятницу выиграю соревнование, то будут везде... Если нет, то – нет.

Он опять поднял камеру, но вдруг обе антилопы замерли одновременно, услышав в струях легкого ветерка что-то непривычное, пугающее – запах человека.

Обернулись в его сторону и внимательно посмотрели на него. Оба животных были удивительно похожи друг на друга, почти зеркальные копии: высокие рога, внимательный взгляд, уши тревожно подняты вверх, чуткие ко всем подозрительным шорохам, а ноздри широко раздуваются, ловя каждое дуновение ветерка. То были очень красивые самцы, и самка, из-за которой и началась схватка, должна была гордиться, что такие красивые животные сражались из-за нее.

Несколько мгновений они пристально смотрели на него, но, в конце концов, поняв, наверное, что этот человек не представляет для них угрозы, медленно отошли, не показывая признаков страха, с намерением продолжить поединок, но в другом месте, в тени деревьев и без свидетелей.

У них была та же походка: грациозная, ровная и одновременно легкая, с которой она удалилась по проходу, ведущему к раздевалкам.

– Эй! Подожди... Как тебя зовут?

Улыбнувшись, блеснув белоснежной улыбкой в тени коридора, тихо ответила:

– Надия.

И исчезла.

Вернулся он к тому месту, где оставил туземцев – в тени огромного, старого баобаба.

Этому дереву, наверное, было не меньше трех тысяч лет, по крайней мере, так утверждали местные. Оно стояло под ярким африканским солнцем все узловатое, со странной кроной почти без листьев, напоминающее больше огромный гриб, чем дальнего родственника дуба, хлопкового дерева или сикомор.

Толстокожее растение, с пористой, как губка, сердцевиной, пропитанной водой, от которого тень падает, как от колонны стоящей посреди степи.

– Ты такой же не надежный и не стабильный, как тень от баобаба – однажды сказала она и, чтобы проверить это, ему пришлось забраться на бескрайние равнины Камеруна.

Он сел рядом с Донгоро, тот протянул ему кусок хлеба, флягу с водой и кусок козьего сыра «бамиленке». Как и большинство «фулбе» и «хауссас» он презирал всех «бамиленке», но в то же время с удовольствием ел их большие, аппетитные сыры.

Ни он, ни Ансок даже не взглянули в сторону антилоп, тот яркий спектакль, та схватка между самцами не вызвала в них ни малейшего интереса.

Для них – нелегальных охотников – любое красивое животное было животное мертвое. Все, что их интересовало в этих антилопах – это рога и шкуры, у слонов – бивни, у буйволов – также шкура и рога.

Шкура одной такой антилопы могла бы стоять где-нибудь в Дуала, Яунде и Форт-Лами почти десять долларов, и единственная причина, почему они не убили их – это присутствие Дэвида и его категорический запрет.

И вот сейчас две пары рогов, стоимостью в двадцать долларов, уходили в целости и невредимости. Надо было видеть как они переживали, наблюдая за удаляющимися антилопами, но и винить их в чем-то аморальном не имело смысла. Для этих людей двадцать долларов составляли небольшое состояние и не они принесли сюда отвратительную привычку убивать исключительно ради того, чтобы убить.

До прихода белого человека на Континент туземцы никогда не охотились больше, чем это требовалось, чтобы прокормить себя и семью и чтобы одеться, им и в голову не приходило изничтожить те огромные стада, что паслись на бескрайних саваннах. И только варварская привычка белых – охотиться ради развлечения, способствовала формированию в их сознании такого странного понятия, как «трофей». В их мозгу с простой системой ценностей как-то не укладывалась мысль, что убийство беззащитного животного достойно восхищению. Совсем другое дело, когда то был поединок на равных, лицом к лицу, с опасностью для жизни – вот тогда шкуру поверженного противника можно было заслуженно повесить на стену. Но сейчас, по вине ненормальной страсти белых к эксгибиционизму, более полусотни видов, обитавших на этих землях испокон веку, исчезли безвозвратно, а участь остальных незавидна, потому что постоянно пребывают под угрозой полного уничтожения.

– Если собираешься провести медовый месяц в Африке, то привези оттуда хорошие фотографии. Октябрьский выпуск будет посвящен животному миру.

Шеф-редактор был человеком хорошим и порядочным, именно он в большей степени помог Давиду перейти от фотографии коммерческой на постоянную работу в журнал.

И вот он здесь – в тени баобаба завтракает козьим сыром в компании двух браконьеров, искренне надеясь встретиться с живописным слоном с большими бивнями.

После полудня они подошли к оврагу, по дну которого протекала небольшая речка – источник живительной влаги для всех живых существ, обитавших в округе. Следуя вниз по течению, они вскоре обнаружили рядом с небольшой заводью огромные следы, по форме напоминавшие поднос диаметром сантиметров сорок, следы четкие, глубокие и свежие.

– Здесь он купался этим утром, – объяснил Ансок. – Тер себя глиной со дна, поэтому и вода такая мутная до сих пор.

А выше по склону оврага Донгоро нашел большую кучу экскрементов и, не колеблясь ни секунды, запустил туда руку, проверяя температуру.

– Он не далеко ушел, опережает нас на час, не больше, – уверенно сказал Донгоро и пошел по широкому следу через равнину, наполняющуюся жизнью, несмотря на душливый зной, заставляющий животных искать укрытие от жгучих солнечных лучей в тени.

Наступило время сиесты. Спали ли животные сейчас или нет – определить не получалось, но ясно было видно, как они замирали и оставались неподвижными, подобно каменным скульптурам, другие собирались в группы и, спасаясь от солнца, стояли голова к голове или круп к крупу.

Зебры и антилопы короткими, мелкими шагами медленно переходили из стороны в сторону, невдалеке дремала группа антилоп – «нус» и несмотря на сонное состояние продолжали непрерывно размахивать хвостами, а над кустами иногда появлялись короткие уши и острые морды жирафов.

Африка замерла и единственные, кто двигался на просторах саванны – это были люди.

Казалось, что непрерывное стрекотание цикад еще больше нагревало воздух, иногда гул, создаваемый миллионами насекомых, нарастал волнами и достигал такого уровня, что нервы сжимались в комок, и слушать это становилось невозможно, но вдруг звук падал, словно срывался, подобно тому, как волны, растекаясь, убегают от берега.

– Это называется «зов смерти», – указал Ансок. – Говорят, что некоторые люди, слушая этот стрекот, сходят с ума.

Очередная куча экскрементов указала, как далеко от них ушло животное. Возможно, если слон остановится перекусить, то тогда они догонят животное.

Донго еще больше ускорил шаг, и весь их караван буквально понесся по саванне.

Было очевидно, что он нервничает.

– Мы можем убить его, – сказал он. – Вам достанутся бивни, а мы возьмем ступни и мясо.

– Но я приехал не убивать животных, а фотографировать, – повторил он еще раз. – У меня нет разрешения на охоту...

– Ох! Какая ерунда... Это не важно... Тут и проверять-то некому.

Давид сокрушенно покачал головой:

– Если так дела пойдут дальше, то вскоре покончат со всеми слонами в Африке...

– А для них уже не осталось места, – прокомментировал Ансок, шедший сзади. – Слоны не могут сосуществовать с прогрессом. Знаете, сколько поедает слон?.. Когда он заходит на плантации, то пожирает за одну ночь до полутоны маиса...

Пятьсот килограмм! Этого хватит, чтобы прокормить всю деревню в течение недели...

– Но таких слонов, что забредают на поля, очень мало, – запротестовал Давид. – Когда коза забирается в соседский дом и съедает там пачку банкнот, никому же в голову не приходит истребить всех коз.

– Вы не понимаете... – продолжал настаивать туземец. – Африка более не хочет быть только местом, где обитают слоны и львы... Если вам все это так нравится, то забирайте этих слонов к себе домой... Белые постоянно возмущаются и протестуют против того, что мы их убиваем, но никто из них не предложил своих полей, засеянных пшеницей, чтобы слоны обитали там...

На это Давид ничего не ответил; знал из предыдущего опыта, что все споры с туземцами о будущем новой Африки обычно заканчиваются ничем. Претворился, что рассматривает цепочку невысоких, метров пять в высоту, земляных холмиков – гигантских термитников, в большом количестве построенных в этих местах, казалось бы без всякой видимой причины.

Чтобы обойти их пришлось двигаться замысловатыми зигзагами, местами было видно, как слон, задев термитники, обрушил их, и термиты-рабочие изо всех сил старались восстановить разрушенные стены, чтобы предупредить вредное воздействие лучей тропического солнца на сотни тысяч собратьев, обитавших в прохладной темноте бесконечных коридоров муравейника.

Выйдя из термитников, они почти сразу же натолкнулись на большое стадо антилоп, пасущихся на расстоянии двадцати метров от них. Антилопы сорвались с места и большими прыжками понеслись прочь – одно из самых красивых представлений, какое он когда-либо видел в своей жизни.

Неожиданно слоновьи следы повернули на Север и исчезали в зарослях граминий среди невысоких холмов.

Донгоро показал на вершину:

– Он там – в зарослях... – заверил он. – И старайтесь держаться позади него, будьте осторожны, это должен быть крупный самец с бивнями весом килограммов в пятьдесят. – похлопав ладонью по прикладу, он продолжил. – не хотите, чтобы мы пошли с вами?

Давид жестом отклонил их предложение и нагнулся, роясь среди камер и объективов.

Повесил на шею «пятисотку», положил в карман пару кассет с пленкой, еще одну зарядил в «Никон» и пошел вверх по склону холма, а туземцы опять устроились в тени с максимальными удобствами.

Добравшись до вершины, он остановился, чтобы перевести дыхание и, обернувшись, посмотрел на равнину, по которой они только что прошли.

– Ей бы понравился этот вид, – задумчиво сказал он. – Долгой была дорога, но это стоило того.

По другую сторону холма пейзаж был почти такой же, но времени на то, чтобы рассмотреть его в деталях не осталось, потому что почти сразу же справа от себя он заметил огромный силуэт слона, который, как ему показалось, точил бивни о ствол.

Большое животное, должно быть, почувствовало его присутствие, или, может быть, слон услышал его запах, но почти сразу же прекратил свое занятие, поднял хобот и, повернувшись в его сторону, начал обмахиваться огромными ушами.

Несмотря на то, что от вторгшегося в его пределы человека отделяло метров семьдесят, слон не был ни испуган, ни даже встревожен. Может быть, несколько озадачен или слегка раздражен из-за того, что его посмели побеспокоить. Он прошел несколько метров вперед с угрожающим видом, зычно проревел так, что эхо прокатилось по долине у него за спиной, но тут же и остановился, возможно, смутившись, услышав металлический щелчок, который издала фотографическая камера.

Продолжил трубить и трясти ушами, а электрический механизм «Никона» продолжал срабатывать еще и еще один раз, а Давид был счастлив от того, что огромный самец так легко и быстро «согласился» позировать ему.

Когда он устал нажимать кнопку камеры, то посмотрел прямо на слона и, улыбнувшись, сказал:

– Ну и хватит на сегодня, «Валентино»... Сегодня твоя работа закончилась. Можешь идти...

Подождал, пока толстокожий гигант не удалился тяжелой походкой, раскачиваясь из стороны в сторону и смешно помахивая коротким хвостиком на фоне огромного зада, и принялся опять рассматривать равнину.

Помахал рукой, указывая туземцам, что пришло время собираться в обратный путь, и вприпрыжку побежал вниз по склону холма.

– А теперь несколько часов энергичного марша, затем хорошая ванна, пару глоточков виски, сытный ужин и...

Слава небесам! До чего же Африка славное место, чтобы проводить здесь медовый месяц.

Ансок был прав – где-то рядом ходили львы.

Они слышали их рычание из густой травы, а чуть дальше величественная грива, словно тень, пересекала тропинку, и Донго покрепче обхватил приклад ружья.

– Ох, и не нравится мне, когда львы бродят так близко от людей, – мрачно прокомментировал он. – Не прошло и месяца, как они сожрали женщину недалеко от озера.

– Не хороший, плохой лев, если он попробовал человеческого мяса, – пробормотал Ансок. – Мясо пришлось по вкусу, да и добыча легкая.

Давид ничего не ответил. Легкая тень тревоги скользнула по его лицу, но он быстро поборол тревожные мысли, вспомнив, что Надия никогда не спускалась к озеру без оружия.

На их пути встал лес, и, тихонько проклиная долгую дорогу через густую чашу, через бесчисленные ручейки и неширокие речки, через болота, двинулись вперед, прорубая себе путь сквозь сплетение лиан и зарослей кустарника, перепрыгивая через глубокие заводи с черной, застоявшейся, порой тухлой водой, перелезая через стволы упавших деревьев.

Благосклонное выражение лиц Донгоро и Ансок сменилось на глубокое неудовольствие.

Давид понял, что никому из них, впрочем, как и большинству африканцев, не нравятся джунгли.

Даже живя в лесу, местные не любят заходить глубоко в чащу, стараясь держаться хорошо знакомых дорог и тропинок, редко уходят далеко от своих деревьев и обработанных полей.

И хотя там, в лесу, они охотятся и ловят в реках рыбу, но стараются делать это в строго определенных границах знакомых им конкретных территорий, поскольку из-за своего примитивного восприятия окружающего мира продолжают думать, что в чаще обитают злые духи и «люди-леопарды».

Расставляют вдоль звериных тропинок многочисленные ловушки и капканы, в которые очень часто попадают дикие кабаны и лесные олени, но никогда крупная дичь, с которой предпочитают не сталкиваться среди деревьев. Похоже, что копье и лук были придуманы для открытых пространств, и на просторах саванны африканцы никого не боятся, тогда как в джунглях пугаются от отдаленного львиного рыка и трясутся от страха, обнаружив на земле след леопарда.

Гориллы, обитающие в изобилии далее к югу, на границе с Гвинеей – настоящий кошмар для туземцев, и нет ничего страшнее для них, чем неожиданно выйти на поляну, где семейство этих огромных обезьян расположилось на ночь.

Мирные и довольно терпеливые по отношению к другим животным и к человеку в том числе, гориллы, однако, совершенно не переносят вторжение внутрь сообщества, а потому редко кто из африканцев осмеливается углубляться в лес ранним утром, до того момента, пока эти большие обезьяны не снялись со своих мест, где провели ночь, и не двинулись дальше.

Но этим вечером джунгли казались тихими и спокойными, как никогда. Иногда струи дождя начинали барабанить по кронам самых высоких деревьев, но также внезапно дождь прекращался, как и начался, и на смену звуку падающих капель приходили пронзительные крики обезьян, переливчатое пение бесчисленного количества птиц и хлопанье крыльев тяжелых фазанов, что испуганно взлетали чуть ли не из-под самых ног.

Изредка змея бесшумно скользнет через тропинку, покрытую множеством следов разных животных, и очень часто джунгли с неясным, призрачным светом, с ровной, влажной поверхностью земли под сводами высоких деревьев уступали место почти не проходимым «бикоро» – густым зарослям колючего кустарника и высокой травы, что появились в местах, где когда-то девственный лес был вырублен и сожжен, чтобы освободить пространство под поля, но затем эти поля бросили в силу каких-то причин, и джунгли вернули себе землю, закрыв ее не проходимыми зарослями кустарника. Вернули, кажется, навсегда.

Выбравшись из таких зарослей «бикоро», Донго, шедший впереди, вдруг остановился и, указав на еле приметную тропинку, тихо сказа:

– Люди... Странные люди.

– И что в них странного? – поинтересовался Давид.

– Ботинки... Большие и тяжелые... Английские или нигерийские... Другие шли босыми.

Шли очень быстро на северо-восток. В направлении Чада.

– Браконьеры? – предположил Давид.

Ансок и Донго переглянулись. Покачали головами, неопределенно пожали плечами.

– Может быть... – предположил Ансок и запнулся. – а может быть...

И опять зашагали дальше, но на этот раз значительно быстрее, так что Давид еле-еле поспевал за ними и не понимал, то ли причина такой поспешности заключалась в тех следах, то ли потому, что вечерело и скоро должна была наступить ночь, и перспектива заночевать в лесу, окруженные со всех сторон таинственными тенями и злыми духами, пугала туземцев.

Откровенно сказать, ему самому не очень-то хотелось лечь спать на земле под деревом, зная, что за этим лесом, за рекой, что протекала дальше, начиналась пыльная дорога, ведущая к их «рулоту» (автодом-прицеп) с кондиционером, электрическим светом, холодным пивом и

оленьим окороком в печи, а также с широкой кроватью, поверх которой лежал толстый поролоновый матрас, настолько толстый и настолько рыхлый, что почти полностью заглушал все их сумасшедшие скачки, и снаружи, даже в самые «жаркие» ночи ничего не было слышно и трудно было предположить, что именно происходит внутри.

Он специально купил такой матрас:

– Не хочу, чтобы случайные прохожие знали, что мы занимаемся там любовью.

– Спокойнее, сеньор, спокойнее. Что за стеснительность такая? Мы можем, вообще, провести открытое практическое занятие...

– Сеньорита!

– Муж мой, я лишь!

– Ох!

– Не бойся... Он такой одинокий, ему бы спрятаться внутри...

На самом деле во всей Африке не было еще одного такого прицепа, похожего на этот, который бы смог выдержать бесконечные пыльные дороги от Андижана до Акры, от Ломе до Котону, от Лагоса до Дуала, под проливными тропическими дождями, под нестерпимым, обжигающим солнцем, через грязь и камни, без каких либо сложных поломок, ну... за исключением, может быть, одной-двух царапин на его сказочной, желтой краске, да пары проколов.

И там он теперь стоял, там, где заканчивается пыльная дорога, под ветвями раскидистого хлопкового дерева, рядом с деревней, где в каждой хижине двери на заднем дворе выходят в лес, а передние двери на площадь или в саванну.

И ноги сами собой пошли быстрее, но, завидев их издалека, навстречу выбежала группа женщин. Все они что-то кричали и энергично размахивали руками.

Давид не понимал их звонкого диалекта и должен был подождать, пока Ансок не переведет. Выражение лица туземца исказилось.

– Сеньора пропала... – тихо, но внятно сказал он. – Спустилась к озеру искупаться и все еще не вернулась...

Давид почувствовал, как земля начала уходить у него из-под ног, он покачнулся и должен был опереться на плечо Донгоро.

Какое-то время молчал, не зная что ответить.

– Это не возможно! – отрицательно замотал головой. – Не возможно... Когда это произошло?

– В полдень... Мужчины из деревни искали ее.

– Святой Боже!

И со всех ног кинулся к их «рулоту», в надежде найти ее там, не веря тому, что все вокруг говорили.

– Надия! Надия!

Но внутри никого не было.

Обессиленный он рухнул на кровать, прицеп сразу же заполнился женщинами и детьми с интересом рассматривающих каждый уголок их небольшого дома на колесах, включали и выключали воду в душе, перевернули всю их кладовую.

Он отстраненно наблюдал за всем происходящим, но осознать, что происходило вокруг, не мог.

Нужно было на чем-то сосредоточиться, но на чем? – выбрать не получалось. Они о чем-то все одновременно говорили, говорили, и это его сильно смущало, и начал он реагировать только после того, как увидел одну толстуху, грязную и потную, примеряющую на себя блузку Надии с таким видом, словно это было наследство от того, кто уже более не вернется сюда, кого уже нет на этом свете.

Он выхватил блузку у нее из рук и со всего размаха швырнул наружу, в орущую, грязную и оборванную толпу перед прицепом, а затем выпихнул толстуху, но та на несколько секунд

застряла в узком дверном проеме, отчаянно размахивая руками и вопя пронзительным голосом, и захлопнул следом дверь. Несколько секунд стоял неподвижно, прислонившись лбом к прохладной стене, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Потом вынул из шкафа тяжелый револьвер, сунул его за пояс и вышел в ночь.

Донгоро и Ансок уже ждали его у двери. В руках они держали фонари и оба были вооружены: у первого на плече висел его «Манлихер», а у второго старая двустволка.

По дороге к лагуне никто из них не проронил ни слова, но едва они прошли пятьсот метров, как навстречу им неслышно скользнула высокая тень.

– Не ходите дальше... – сказал человек с длинным копьём. – Бесполезно...

Давид, преодолевая себя, еле слышно спросил:

– Лев?

Воин отрицательно покачал головой. В неверном свете фонарей лицо африканца было непроницаемо, будто маска из черного дерева, но Давиду показалось, что в глазах его промелькнуло выражение глубокой печали.

– Охотники за рабами... – медленно произнес он.

– Охотники за рабами?

Консул недоверчиво покачал головой и с сомнением взглянул на своего собеседника. Порывшись среди бумаг на столе, достал золотую зажигалку и закурил длинную папиросу. Было очевидно, что он не знал как реагировать на столь странное заявление и потому тянул время.

– Не верю, – произнес он наконец. – Откровенно говоря, и простите мою грубость, не могу поверить... Если ваша жена исчезла в джунглях, то, вполне возможно, что она либо утонула в озере, либо ее съел лев, либо она попала в одну из тех смертельных ловушек, что представляют охотники-туземцы. Но то, что вы мне говорите... Нет, не верю...

– Мы шли по их следам в течение четырех дней до реки Мбере – приток Логоне. Их было семеро, все – мужчины, и они вели с собой, по меньшей мере, двадцать пленных... Следы от ботинок жены отпечатались очень четко.

Консул встал из-за стола, заложил руки за спину и начал ходить по комнате. Остановившись перед окном, он задумчиво смотрел на крыши Доуала, на расстилающуюся дальше дельту Воури и на поднимающийся над горизонтом огромный конус горы Камерун.

– Вообще-то, я и раньше слышал про этих охотников за рабами, – согласился он наконец. – Знаком с этим ровно настолько, насколько знаком со слухами о каннибализме среди некоторых племен на севере или с жуткими обрядами «людей-леопардов»... Но здесь, в Африке, никто не грабит, не убивает, не пожирает и не приносит в жертву белых... «потому что все белые наперечет»... Если один исчезнет, то репрессии со стороны властей будут ужасными... Поэтому мне сложно допустить, что кто-то осмелился похитить вашу жену... Это будет, наверное, первый раз, когда охотники за рабами покусились на белую...

– Моя жена – негритянка, – голос Давида прозвучал так естественно, совершенно лишенный каких-либо эмоций, что консул от неожиданности застыл, словно каменное изваяние, подобно тем двум солдатам, что возвышаются на Монументе в память о павших во время Войны Четырнадцатого.

Какое-то время он продолжал стоять у окна, не оборачиваясь. Когда же повернулся лицом к Давиду, то было видно, что он совсем растерялся. Его профессиональное хладнокровие исчезло, и слышно было, как он даже слегка начал заикаться, подбирая подходящие слова.

– Сожалею, очень сожалею, – сказал он. – Прошу прощения за неподходящую форму, в которой я выразился... Если это вас как-то задело или обидело, то прошу...

– О! Не беспокойтесь, – прервал его Давид. – Вы же не знали про это.

В комнате опять воцарилась тишина. Консул вернулся к себе за стол, тяжело опустился в кресло и, взяв бумагу и карандаш, продолжил:

– Ну, хорошо! Посмотрим... Имя вашей жены?

– Надия... Надия Сегал де Александер...

– Местная?

– Из Абиджана, Берег Слоновой кости.

– Возраст?

– Двадцать лет.

– Как давно вы поженились?

– Два месяца... Это было наше свадебное путешествие... – голос Давида дрогнул и ему потребовалось собраться с силами, чтобы продолжить и успокоиться. – Господи! Вначале так все было прекрасно, а сейчас – настоящий кошмар... Я должен найти ее! – добавил он с неожиданной решимостью. – Должен вернуть, чтобы мне этого не стоило...

Консул с сомнением покачал головой.

– Не хочу показаться пессимистом, но надежды на это мало... Если верить тому, что говорят, то эти «охотники за рабами» движутся на северо-восток и не так уж сложно предположить, что конечная их цель – Аравийский Полуостров. И тот, кто заходит туда – никогда уж не возвращается.

Каждый год там исчезают тысячи рабов-африканцев... Не думайте, что я стараюсь казаться жестоким... Просто, я знаком с тем, что происходит на самом деле, с реальным положением вещей... Мой совет: постарайтесь вернуть жену до того момента, как они пресекут Красное море. На том берегу она исчезнет без следа.

– Но как? Африка огромна... Где я могу найти ее?

– Не имею ни малейшего понятия. В настоящий момент она может находиться где угодно в Камеруне, в Чаде или в Центральноафриканской республике, или идет по направлению к Судану или Эфиопии...

– Но площадь этого региона такая же, как всей Европы!..

– Поэтому, постарайтесь привыкнуть к мысли, что вы потеряли свою жену навсегда... Покоритесь судьбе... Знаю, это трудно, но постарайтесь привыкнуть к мысли, что она умерла.

– Но она же не умерла! – воскликнул Давид. – Не умерла, а потому буду искать ее хоть сто лет... Я не могу успокоиться, отдохнуть хоть минуту, зная что она страдает где-то и я ничего не делаю, чтобы спасти ее... Клянусь, я найду ее во что бы то ни стало – закончил он.

– Восхищаюсь вашей самоотверженностью, друг мой. Обещаю, что со своей стороны сделаю все возможное, чтобы помочь вам. Не официально, конечно же, поскольку это не входит в мои обязанности. Это будет помощь персональная. Как вам уже известно – посол сейчас находится в Яунде, но я немедленно свяжусь с ним. Вместе мы надавим на правительство.

Предупредим все гарнизоны, приграничную жандармерию, а также свяжусь со своими коллегами в Чаде. Мой совет – встретьтесь с послом Берега Слоновой кости... Среди негр... Среди африканцев эта тема пользуется повышенным интересом. Семья вашей супруги имеет какое-нибудь влияние в Абиджане?

– Ее отец, Мамаду Сегал, читал лекции на кафедре в Сорбонне и одновременно был сооснователем Демократической партии вместе с президентом Хупхут-Боигни... Хотя он и ушел из политики, но, все-таки, кое-какие связи в правительстве у него сохранились.

– Постарайтесь, чтобы он воспользовался ими... Президент Боигни – один из самых уважаемых в этой части Африки.

– В самом деле думаете что дипломатическим путем можно добиться чего-нибудь?

– Не знаю. Я в Африке уже семь лет и все еще удивляюсь некоторым вещам, что здесь происходят... Хотя я и стараюсь, но..., все равно, не понимаю здешних людей. Хотим мы этого или нет, но их мир отличается от нашего и никогда не можем заранее предугадать, как они

будут реагировать на ту или иную проблему... Каждый год тысячи мужчин, женщин и детей похищаются охотниками за рабами, других поедают во время ритуалов каннибалов, кое-кого приносят в жертву непонятым богам, но, как кажется, это особенно никого не заботит. Но поднимают целую армию, чтобы схватить какого-нибудь несчастного, прикончившего в приступе гнева своего господина... К сожалению, жизнь, смерть, свобода имеют здесь другую цену, чем в Европе и Америке, – консул замолчал, задумчиво посмотрел в окно, погасил сигарету и продолжил. – Мой совет – при любых обстоятельствах сохраняйте спокойствие... Этим же вечером начну хлопотать по поводу поисков вашей жены. Сделаем все возможное... Как у вас с деньгами?

– У меня есть некоторые сбережения. Но смогу занять столько, сколько нужно, пусть и придется потом отдавать всю жизнь... А если предложить выкуп? Это поможет как-нибудь?

– Я уже думал по этому поводу. Думаю, что смогу собрать кое-какие пожертвования среди наших, живущих здесь... Проблема тут заключается не в том, чтобы передать деньги, а в том, чтобы эта информация дошла до ушей похитителей. Логично, что они обходят стороной все поселения, все деревни, избегают любых контактов...

Проконсультируюсь с местными властями... Где вас можно найти?

– Отель «Де Релаи Айрен». Комната 114.

Консул поднялся из-за стола и проводил Давида до двери.

– Постарайтесь отдохнуть, – посоветовал он. – Выглядите очень измотанным... Я буду держать вас в курсе событий...

Выйдя на улицу, он медленно пошел к площади Аква. Такси остановилось рядом, но он отпустил машину, махнув рукой, и побрел дальше, погруженный в свои невеселые мысли, не обращал ни малейшего внимания ни на поток велосипедистов, возвращающихся после рабочего дня домой, ни множество проституток, заполнивших тротуары, не видел великолепный закат, когда солнце тяжело сползает за вершину горы Камерун и силуэт острова Фернандо Поо вырисовывается на этом фоне.

Сколько времени прошло с того дня, как они, вот так же, сидели на краю бассейна в отеле и любовались похожим закатом?

Две недели... Может быть, меньше... Но сейчас у Давида было такое чувство, что с того момента прошла целая вечность.

Ужинали здесь же, столики стояли на открытом воздухе, наблюдая за огоньками, горящими на пирогах туземцев, вышедших на рыбную ловлю или пересекающих дельту в направлении хижин, стоящих на далеком противоположном берегу.

– Ничего здесь не изменилось со времен самого Христа, – сказал он. – Все так же ловят рыбу, охотятся и живут по тем же правилам, что их предки две тысячи лет назад.

– Верно, – согласилась она. – Можно подумать, что ничего не изменилось, и... тем не менее, до этого никогда в истории человечества не было таких резких изменений, какие происходят в сознании моих людей... Их вытащили из джунглей и с их привычных полей и поместили в города со всеми пороками, многие для них совсем новые, неизвестные, но все равно невыносимо притягательные... Выпивка, наркотики, проституция и гомосексуализм ведут африканцев к такому уровню деградации, о котором они раньше даже представления не имели...

– Но в этом никто не виноват. Никто их насильно не тащит туда, – запротестовал он.

– И в самом деле – это так, – согласилась она. – никто их не гонит, но ты и сам прекрасно знаешь, что большинство туземцев, как дети, которым вдруг, ни с того ни с сего, колонизаторы показали столько всякой всячины, к которой они не были совсем подготовлены...

– И ты тоже? Чем они на тебя не похожи?

– Я – другое дело. Я училась в Париже... Хотя я и негритянка и половину жизни прожила в Африке, но никто никогда не рассматривал меня, как типичную африканку, и ты это знаешь.

С самого детства у меня были и учителя, и хорошее питание – обе вещи – большая редкость здесь... Белый ли ты или черный – значения не имеет, проблема детей голодных и лишенных образования одна и та же везде. Вопрос лишь в том, что в Африке их несравненно больше, чем где либо.

– И думаешь, что сможешь решить эту проблему.

– Нет, конечно же. Ни я, ни кто-нибудь вообще. Но, поскольку мне повезло, и я ходила в Университет и изучала разные предметы, которые могли бы оказаться полезными для этих людей, то моя основная обязанность использовать полученные знания ради их блага.

Очарованный ее словами, Давид нагнулся над столом, чтобы поцеловать Надию, и чуть было не испачкал рубашку в томатном соусе.

– Не хочешь эти знания применить на мне... или на наших детях, когда родятся. Это – твоя прямая обязанность как жены...

Она замолчала, медленно допила свой бокал вина, поставила его на стол и внимательно посмотрела на Давида.

– Правда, что не будешь давить на меня? – спросила она. – Совершенно очевидно, мы поженимся, но я хотела бы заниматься тем, что мне кажется важным...

– Это имеет такое значение для тебя?

– В последние годы двести пятьдесят тысяч человек умерло из-за засухи и еще шесть миллионов находятся на грани голодной смерти. Может быть, лет через тридцать пустыня полностью поглотит три или четыре страны, что граничат с моей. Думаешь, такое положение вещей мне совершенно безразлично?

Нет. Конечно же нет. Она и не претворялась, а он этому и не удивился, потому что знал с самого первого момента, с того самого, когда она приняла предложение поужинать с ним, хотя и не прошло двух часов, как получила олимпийскую медаль.

– На севере моей страны реки мелеют и деревья гибнут... – рассказала она. – стада исчезают, а урожаю сжигаются. Люди уезжают на юг, покидая свои дома в саванне и оставляя возделанные поля, и через некоторое время все это оказывается погребенным под песком... За последние года Сахара продвинулась вглубь континента на сотню километров и ученые предсказывают, что подобное изменение климата в Африке может продолжаться семьдесят лет... И что тогда произойдет с моим народом?

– Я думаю, не стоит особенно беспокоиться. Скорее всего, к тому времени атомная война покончит со всеми, – мрачно пошутил он.

– И думаешь, это сможет послужить хоть каким-то утешением для тысяч детей, умирающих сейчас от жажды в Сенегале или Эфиопии?.. Когда мне предложили участвовать в соревнованиях на Олимпийских играх, я представила, что если завоюю золотую медаль, то журналисты со всего мира соберутся вокруг меня и начнут задавать разные вопросы. И это даст мне возможность рассказать всему миру и привлечь внимание к тому, что происходит в Африке, к тому, что нам нужна помощь, и не в виде порошкового молока, поношенной одежды и одеял, а помощь экспертов, инженеров, техников, способных покончить с этой ужасной жаждой в Африке.

– И потому согласилась поужинать со мной? – засмеялся он. – С тем, чтобы я уговорил журнал напечатать про жажду в Африке, так?

Она лукаво улыбнулась.

– Может быть и так... Почти три миллиона голов домашнего скота погибли в непосредственной близости от огромного резервуара с питьевой водой, на расстоянии в четыреста метров... Разве это не тема для большого репортажа?

– И почему они не дошли до этой воды?

– А потому, что вода была под землей... Потому, что у нас нет средств поднять ее на поверхность... Сахара вся испещрена подземными реками и лишь ждет, пока кто-нибудь из

людей не поднимет эту воду... Если можно извлечь нефть с глубины в десять тысяч метров, то почему нельзя достать воду с глубины всего лишь четыреста метров?

Это был первый раз, когда он приехал в Африку. Приехал фотографировать безграничную жажду огромного континента и где спасение от этого бедствия лежит прямо под ногами. Приехал и остался здесь.

Что смогла дать ему Надия? Что в ней было такого, что привлекло его внимание и буквально околдовало?

И не только из-за ее физической красоты, из-за ее лица с чертами безукоризненными, почти совершенными, из-за ее упругого и гладкого тела или удивительной гармонии движений и жестов.

Нет, не только это... Но в большей степени ее яркая индивидуальность, невероятная сила характера, ее жажда жизни, желание помогать всем, всегда делать что-то для кого-то, участвовать в безнадежных баталиях, сражаться с ветряными мельницами, где требовалось такое напряжение, что это превосходило все ее резервы сил физических и душевных.

Ее уверенность в том, что она занимает правильную позицию, и искренность и способность видеть жизнь такой, как она есть, без прикрас, исключительная честность в каждом жесте, в каждом слове, в каждой идее, словно была уверена, что от любого ее действия зависит возрождение ее народа, ее страны и всего мира в целом.

Для Надии все в этой жизни имело особенный, можно сказать, эпохальный смысл, в отличие от Давида, для которого все выглядело ровным счетом наоборот: казалось мелким, абсурдным и бессмысленным... Во всяком случае, так было до момента их встречи. Ничто его не интересовало, кроме хорошего кадра, хотя и в глубине души прекрасно понимал, что хорошая фотография – не более чем ложный способ увековечить какой-нибудь яркий, красивый момент, и что иногда никакого такого момента не было, а создавался при помощи специального фотографического фильтра, контрастного света или особенного, дисторсионного объектива, причудливо изменяющего реальность.

Давид был достаточно умен и прекрасно понимал, что самая противоречивая и вредная черта его личности, была, как раз, отсутствие индивидуальности, а в отношении характера – так отсутствие этого самого характера.

Он знал это и принимал как некую неизменную реальность, аксиому, не требующую доказательств.

Он был таким с самого детства. В школе он сразу же соглашался с тем, что другие, но не он, становились лидерами, соглашался и принимал это, и то же самое происходило в Университете и в Армии. Можно было бы сказать, что его голос никто не слышал, несмотря на его рост, он оставался незаметным и неслышанным. Конечно же, у него были собственное мнение и собственные, разумные точки зрения, но все это как-то меркло, увядало без борьбы перед мнением других, пусть даже откровенно глупым, а иногда и абсурдным.

Очень быстро он обнаружил в себе такую черту, как нежелание ввязываться в споры, часто безнадежные, а соглашался просто уступить тем, кто и не заслуживал никаких уступок.

В конечном итоге, чтобы не происходило, но он всегда позволял окружающим «обойти» его с любой стороны.

Иногда его начинало возмущать такое положение дел, когда он чувствовал себя ущемленным от того, что не смог и не захотел «прижать» кого-то, кто ему, на самом деле, был совершенно безразличен. И в душе своей он постоянно ощущал странную смесь из робости и болезненной доброты, что также очень часто портило ему жизнь. Пытался бороться с этим, с этой странной чертой своего характера, но со временем пришел к неутешительному выводу, что еще хуже он начинал чувствовать себя, когда принимался воевать сам с собой и со своим «бесхарактерным» характером.

А потому, оказавшись один на один перед чудесной женщиной, принадлежащей к другой расе, родом с другого Континента, с совершенно иными идеями, другим восприятием мира и другим темпераментом, позволил поглотить себя безо всякого сопротивления, хотя и воспринимал это «поглощение» ни как свое полное уничтожение, а признание того, что в характере Надии было именно то, что он так хотел иметь у себя, но чего всю свою жизнь избегал и даже боялся.

И вот, сейчас, сидя в саду отеля и наблюдая как загораются огни в дельте, Давид старался найти в себе и убедить самого себя, прибегнув к помощи бутылки коньяка, что, может быть первый раз в жизни, у него было достаточно решимости и причин, чтобы продолжить начатые поиски, проникнуть в самое сердце Африки и исполнить обещание спасти Надию, чего бы это ему не стоило.

И то не было проявлением страха – это он знал прекрасно. Многие годы, в юности, его преследовало одно сомнение: что эта бесхарактерность есть некая форма проявления трусости. Но значительно позже, когда Журнал посылал его снимать войны и землетрясения, и когда пули свистели над головой и смерть гуляла рядом, а он спокойно, без ускорения пульса снимал происходящее, то тогда, с некоторым чувством облегчения, понял, что то был вовсе не страх, и никогда не был, и никогда это не имело никакого отношения к присутствию мужества в его характере или отсутствию оно.

Перспектива рисковать собственной жизнью, и даже возможность погибнуть – совершенно не пугали его, если от этого зависела свобода и жизнь Надии. Все что его пугало, это то, что в определенный момент в нем может закончиться «завод», решимость довести до конца такое сложное дело, как поиск темнокожей женщины на бескрайних просторах Африки.

– И чтобы сделала она на моем месте?

Как бы начала битву с такими огромными ветряными мельницами, с которыми редко кто встречался в своей жизни?

Как поймать этих призрачных охотников, ускользающих по саваннам, в джунглях и пустынях самого таинственного и малоисследованного из Континентов?

Его приводило в уныние само ощущение растерянности пред величиной, перед размером того, что предстояло сделать и перед незнанием, непониманием в каком направлении нужно идти.

Нужно было сделать первый шаг, затем второй, потом еще и еще... и еще миллион шагов... Но куда идти?

– Ох, Надия, Надия... – всхлипнул он тихонько. – Где ты?

Она замерла и прислушалась, вокруг нее непроницаемой стеной стоял мрак и тишина.

Вдруг какая-то тень бесшумно скользнула в темноте. Защищаясь, она подняла руки.

– Ох, Давид, Давид! Где ты? – воскликнула она мысленно.

Человек продолжил двигаться в ее направлении.

Споткнулся о вытянутую ногу спящей женщины, затаился, проверяя, что она не проснулась, и двинулся дальше, чтобы остановиться на расстоянии менее метра.

Стоял не шевелясь, вероятно старался разглядеть ее получше в кромешной тьме, наверное, чтобы не промахнуться и нанести удар наверняка, чтобы все закончилось быстро и без шума.

Вокруг стояла такая тишина, что она слышала, как оглушительно стучит кровь в висках. Руки в тяжелых кандалах устали от того, что приходилось держать их высоко поднятыми. И сердце билось так сильно, что человек напротив, наверное, слышал каждый его удар.

И какое же облегчение она почувствовала, когда он наконец-то решился атаковать. Из всех сил она опустила руки вниз.

Послышался сдавленный крик и незнакомец завалился на спину, обхватив руками свою голову. Она изо всех сил оттолкнула его ногой как можно дальше и плотнее прижалась спиной к дереву, открыла глаза как можно шире, напряженно всматриваясь в густую темноту ночи.

– Ох, Давид, Давид! Где ты? Почему не приходишь освободить меня из этого кошмара?

Прошло уже столько дней с того ужасного момента, что она сбилась со счета и ей иногда начинало казаться, будто всю жизнь провела закованной в кандалы. Час за часом ходьбы в напряженном, изнурительном ритме, задаваемым человеком в «голове» каравана, стараясь не ускорять шаг, чтобы не наступать на ноги впереди идущему и не замедляться, чтобы девочка, идущая сзади, не наступала ей на пятки. От этого однообразного ритма мысли в голове туманились, все путалось, и воспоминания о прошлой жизни казались чем-то совсем не реальным, и еще изнуряющая жара, жажда и все подавляющая усталость, и нужно было постоянно следить за надсмотрщиком-суданцем, уворачиваться от его ударов, что он то и дело наносил массивной ручкой длинного бича, но не самим ремнем, чтобы не разодрать кожу живого товара.

И ночами приходилось быть начеку, скорее дремать, чем спать, либо под деревом, либо в траве под открытым небом в саванне, следить за охранниками, готовыми наброситься на нее, словно голодные звери, как только араб – главный в этом караване, засыпал.

А по утрам вся тряслась от холода, и от постоянной бессонницы и усталости все тело ныло и затекало, а от самой мысли, что с наступлением нового дня придется опять идти куда-то, становилось еще страшнее.

– Ох, Давид! Где ты?

Человек у ее ног не шевелился.

Похоже, что убила его или нет?

Несколько секунд она испытывала огромное желание подползти к нему, обвить шею цепью от кандалов и задушить, задавить, покончить с этой тварью, чтобы он больше не насиловал женщин по ночам и не бил днем.

Это был тот, кто напал на нее у озера, сбил с ног одним ударом, так, что она не смогла схватить ружье, прислоненное к стволу дерева. Он набросился на нее совершенно неожиданно, выскочил из кустов, как леопард подстерегавший добычу, и когда его сообщники подошли к лагуне, она уже лежала на берегу в кандалах.

– Отличная работа, Амин! – произнес суданец. – Очень хорошая работа... Самая лучшая негритянка из всех тех, на которых мы когда-либо охотились... – он заставил ее встать на ноги, с видом знатока осмотрел со всех сторон.

Улыбнулся, обнажив два больших передних зуба, как у кролика.

– И в самом деле, хороша девочка, – он протянул руку, погладил ее грудь, высокую и крепкую. – Шейх наверняка «отвалит» мне за тебя тысяч десять долларов, а может и больше, и я буду полным глупцом, если вернусь к этому паскудному занятию...

Продолжая плотоядно скалиться, с наслаждением погладил ее кожу, обошел вокруг и провел ладонью по упругим, круглым ягодицам.

– Жаль, что так получилось и не удалось воспользоваться тобой здесь же... Но, может оно и к лучшему... Шейх убьет меня, если узнает, что я попользовался его товаром... – и обратился к своим людям – шесть человек вышли на берег следом и смотрели на нее голодными глазами, ощупывая взглядом каждый сантиметр ее тела, но одновременно продолжали следить за колонной скованных цепью людей, с понурыми лицами, ставших рядом. – С того, кто прикоснется к ней хотя бы пальцем, сдеру кожу, – пригрозил он. – С этими двумя можете делать все что захочется... И с тем жирным в конце также... С остальными ничего, а на эту даже не смотрите...

– Но может она уже не девственница, – запротестовал было Амин. – Как об этом узнает Шейх?

– От нее самой, придурок, – и, обернувшись к Надие, спросил. – Девочка, ты девственница?

Понимая, что рассказав о том, что она замужем за белым, да еще и человеком важным там, в Европе, она нисколько не улучшит своего положения, соврала:

– Да, девственница. И если отпустишь меня на свободу, то мой отец заплатит тебе десять тысяч долларов...

На что суданец расхохотался ей в лицо.

– Ох, дьявол тебя дери! Не знаю что из сказанного тобой большее вранье, но в доказательство того, что я человек справедливый, просто не буду делать ничего, чтобы проверить так ли все это на самом деле. И предположим, что ты на самом деле девственница...

– Но это правда. Мой отец заплатит тебе эти деньги...

– И где такое было видано, чтобы негритянка, купающаяся в озере в джунглях имела десять тысяч долларов?.. Да ты и не знаешь сколько это и как такие деньги выглядят...

– А где такое было видно, чтобы негритянка из джунглей носила такую одежду? Такие ботинки и имела при себе такое оружие?.. Я – Надия, дочь Махмуда Сегала, профессора из университета в Абиджане. Я училась в Париже и Лондоне, говорю на пяти языках, включая твой, и если не отпустишь меня на свободу, то будешь раскаиваться всю свою оставшуюся жизнь.

– Вот, черт побери! Амин, да это настоящий бриллиант, что мы нашли... Как ты думаешь сколько Шейх заплатит за такую «штучку»?.. Радуйся, детка! Ты не будешь обыкновенной рабыней... Шейх сделает из тебя фаворитку... на некоторое время, правда... И знаешь, что это значит? У него есть все: золото, брильянты, жемчуг, роскошные автомобили, собственные самолеты... На его землях нефть сочится, словно вода из источника, а со всего мира к нему съезжаются самые влиятельные люди обсудить дела... Он не может потратить за целый год все, что зарабатывает за один день... Он осыпет тебя драгоценностями, купит самую лучшую одежду, будешь есть с золота... А твои дети станут принцами...

– Пошел ты к черту, сукин сын!

Суданец поднял кнут, но передумал и опустил руку.

– Нет... Сулейман Р. Ораб не совершит такую глупость, как содрать с твоей спины кожу, черная. Сулейман Р. Ораб уже много и много лет занимается такими делами и слышал про себя всякое, даже хуже. А теперь, в путь! Пошли, пошли! – приказал он своим людям. – Когда придет ночь, хочу, чтобы мы были как можно дальше от этого места.

И когда наступила ночь, они ушли далеко.

И день за днем уходили все дальше и дальше.

Однажды всю ночь сплавлялись вниз по течению Логоне.

Уходили все дальше по саване, переходили от одного лесочка к другому, все время прячась среди деревьев и кустарников, избегая дорог и деревень, следуя никому не известными тропками, на которых и следов животных не было видно, но про которые Амин знал все, будто читал линии на своей ладони.

Еще несколько рабов присоединились к каравану: четверо подростков, младшему из которых было не более десяти лет и две сестры, что не переставая плакали всю дорогу.

Сулейман Р. Ораб довольно улыбался.

– Двадцать два, и почти все по большей части отменный товар... Даже если только половина доберется до Красного моря, то все равно путешествие будет удачным... Нужно беречь эту девочку... Она одна окупит все наши расходы... Она мне нужна в Суакине, неприкосновенная, целая и невредимая.

И, несмотря на все предупреждения и угрозы, Амин лежал сейчас у ее ног, окровавленный и без сознания. Но, судя по всему, этот негр не собирался отступать от задуманного и

отказаться от Надии, полагая, наверное, что если он нашел и схватил ее, то имеет на нее все права, в том числе и удовлетворять свои желания.

Этой ночью его удалось остановить, но на сколько ночей у нее хватит сил продолжать защищаться?

– О, Давид, Давид! Где же ты?

«Придется тебе пробежать еще один раз. Не успел сделать ни одного снимка...»

И сердце у нее забилось сильнее, когда она увидела его, такого высокого и массивного, с копной волос песочного цвета и глазами ясными, как воды в озере Эбрие, где вечерами отражаются мосты Абиджана.

Ей захотелось бежать для него, бежать так быстро и долго пока не упадет в изнеможении, но, подталкиваемая неожиданно поднявшейся волной гордости и странной для самой себя смелостью, сдерживая чувства, высокомерно ответила:

– Сожалею, но... я тренировку уже закончила.

И позже, когда уже шла по коридору к раздевалкам, ей казалось, что земля уходит из-под ног и стены рушатся вокруг, но проклятая гордость не позволяла остановиться и обернуться, но вдруг сзади послышался голос:

– Эй! Подожди... Как тебя зовут?

– Надия, – облегченно выдохнула она и улыбнулась, остановилась и обернулась, чтобы он мог прочесть на ее спортивной куртке название страны – «Берег Слоновой кости».

В последующие дни она буквально стерегла вход в Олимпийскую деревню, а на тренировках высматривала среди собравшейся публики робкого светловолосого гиганта, который прятался за своими камерами, как за щитом.

Закрывает глаза, вспоминая их новую встречу. Она поднялась на подиум и старик с похотливым взглядом, буквально поедавший ее глазами, повесил на шею бронзовую медаль. Покорно подставила щеку под поцелуй, приняла букет и, выпрямившись, поприветствовала аплодировавшую публику и тут же увидела его. Он стоял там и смотрел на нее через объектив, стараясь запечатлеть только ее, каждое ее движение, позабыв о тех, кто стоял рядом и выше с золотыми и серебряными медалями.

И даже сейчас она не могла объяснить, как ему удалось добиться ее согласия поужинать тем вечером.

Помнила лишь, как они спорили о бесконечной жажде в Африке за бутылкой «Дон Периньон».

А потом гуляли по тихим улочкам до самого рассвета, и вокруг не было никого, ни одной живой души, казалось, что они вдвоем остались единственные живые существа на всем белом свете, и говорили, говорили обо всем: о религии и расизме, о политике и спорте, о любви и о войне.

Столько в них было разного, не похожего и, тем не менее... вот они, шли рядом: студентка-африканка и фотограф-европеец. Для него мир представлялся в виде образа, картинки и игры цвета при встрече с моментами красивыми, драматическими, эмоциональными или даже пугающими, и ему всегда хотелось эти моменты остановить, сохранить навсегда, чтобы они не исчезали во времени. Для нее мир представлялся в виде разнообразных идей, царящей вокруг несправедливости, нужды, сопротивления и постоянного движения.

Давид мог часами стоять неподвижно с фотоаппаратом в руках и подстергать какую-нибудь птичку у своего гнезда; Надия же не могла усидеть на дном месте ни секунды, ей всегда нужно было куда-то идти, куда-то ехать, нужно было двигаться, что-то делать, что-то придумывать, решать какие-нибудь проблемы.

Он читал Анри Шарьера, Леона Юриса, Форсайта, а она Седар Сегнора, Герберта Маркузе, Германа Гесса. Ей нравились фильмы Бергмана и Антониони, а ему Джона Форда и Давида Лина.

– Тогда получается, что ты... как бы... и не сторонница свободной любви?

– Конечно... В любви каждый делает то, что ему больше всего нравится. И потому я это не делаю...

– Но это – абсурд! Тебе так не кажется? Мы живем в двадцатом веке. Занятие сексом уже не считается смертным грехом, наоборот, рассматривается как нечто вполне логичное и естественное.

– Ну... в принципе согласна... Если хочется заняться любовью, что ж этого не сделать. Проблема в том, что я этого не хочу... Неужели это выглядит, как преступление? Или, чтобы следовать моде, я должна делать то, что мне не хочется?

– Конечно же, нет!.. Я вовсе не это имел в виду, – запротестовал он. – Просто... когда чувствуешь необходимость – не нужно сдерживаться...

– Слушай, когда твои предки ложились спать в ночных рубашках и занимались любовью через простыню с разрезом, то мой народ уже во всю практиковали нудизм и свободную любовь, причем весьма охотно и на каждом перекрестке и повороте... Поэтому это можно рассматривать как «конфликт поколений». Ты протестуешь против привычек своих предков, я – против своих. В обоих случаях мы считаем наших предков... ну, вроде как, «дикарями»... Наверное, настоящая культура и цивилизованный подход скрываются где-то посередине, между твоими и моими представлениями.

– И чтобы нам не поискать эту середину? – хитро улыбнулся он.

– Думаю нам и года не хватит, чтобы найти ее... Хочешь подождать?

Давид ничего не ответил. Они остановились и молча любовались ночным городом.

Светало.

Он продолжал лежать там же, без движения, словно мертвый. В редющем сумраке можно было разглядеть контуры деревьев, цепей и скованных рук, тонкую струйку крови, сочащуюся из раны на лбу, и стекающую в глазницу, где уже скопилась достаточно, чтобы перелиться через край и прочертить густую, темную линию вдоль носа, через губу, рядом со ртом и исчезнуть внизу, под подбородком, на шее, а затем и на земле.

Вдруг рядом появились тяжелые башмаки Сулеймана. Он молча посмотрел на расprostертого у его ног негра, потом поднял глаза.

– Это ты его так?

Она кивнула головой и вся сжалась, закрылась руками, когда увидела, как он поднял свой длинный кнут.

Но наказание предназначалось не для нее, а для человека, лежащего без сознания на земле. Размахнувшись, он ударил его с необыкновенным ожесточением, потом еще раз, и еще...

– Проклятый негр! Мерзкий сукин сын! – взревел он. – Я же тебе запретил! Слышишь?! Запретил, запретил!..

И продолжил хлестать изо всех сил, пока удары, от которых кожа разлеталась клочьями, не привели его в чувства. Амин заворчал и вдруг одним прыжком поднялся на ноги с такой ловкостью, словно и не валялся без сознания только что, и, сорвавшись с места исчез, в кустах, а возмущенный суданец погнался за ним следом.

– Я тебя убью! – орал он, пытаясь нагнать несущегося через кусты Амина. – Я тебе яйца отрежу, если попробуешь еще раз, слышишь меня? Я тебя кастрирую, грязный негр!

Догнать быстрого Амина не получилось, и запыхавшийся суданец вернулся взбешенный, поднял всех: и надсмотрщиков, и заключенных, молча следивших за происходящим.

– Любого, кто осмелится дотронуться до нее, кастрирую, – отчетливо произнес он. – Кто бы он не был... – извлек из ножен свою длинную гумию и продемонстрировал с угрожающим видом. – Я уж и счет потерял скольких негров оскопил ей. Все евнухи во дворце шейха прошли через мои руки, а нужно будет, так еще сотню подрежу...

Я вас научу сдержанности, свиньи поганые. У вас в мозгах только одно – трахаться как грязные животные... А сейчас: становись! и марш отсюда! – приказал, щелкнув кнутом по спине одного из рабов. – Вперед, чертовы негры, сборище бесполезных людишек!..

Все с трудом поднялись на ноги и двинулись в путь.

С трудом протянул руку, нащупал трубку телефона, что звонил непрерывно и отдавался в его голове, шумящей от вчерашней выпивки и бессонницы, громоподобным эхом.

– Александер? Это Блюм. Консул... Через двадцать минут заеду за вами. Ваш самолет улетает через час.

– Какой самолет? Куда?

– В Чад.

И повесил трубку.

С точностью хорошо отлаженных часов огромный черный автомобиль развернулся и остановился перед входом под навесом. Шофер принял чемодан, Давид сел на заднем сидении, рядом с консулом.

– Почему в Чад?

– Согласно данным полиции, путь каравана с рабами не будет проходить через Центральнуюафриканскую Республику, чьи границы охраняются достаточно хорошо. Маршрут идет через Чад, проходя между Боуссо и Форт Аршамбо, и затем уходит вглубь пустыни по направлению к Судану. Некоторые из караванов заканчивают свой маршрут в Хартуме, другие продолжают двигаться к Эфиопии, но большая часть идет по направлению к Суакину, откуда затем попадают в Аравию. Если, конечно, комиссар Ломю знает, о чем говорит, то той группе, что похитила вашу жену, потребуется дней двадцать, чтобы пересечь Чад.

– И какую помощь мне смогут оказать власти Чада?

– Не так много. Мусульманские племена, живущие в пустыне, не признают власть Правительства из Форт-Лами, что контролируется неграми с юга – вечная проблема – «масса» против «муданг». Президент Томбалмаи только потому еще и держится у власти, что французские десантники оказывают ему неофициальную поддержку, но если они уйдут..., то вы и моргнуть не успеете, как воины туареги покончат с неграми. Как вы понимаете, Томбалмаи не будет отзывать свои войска, чтобы они занялись поисками вашей жены...

– Понимаю...

Консул утешительно похлопал его по руке.

– Не отчаивайтесь. Не все еще потеряно... Доверенные лица сказали мне, что существует некая организация «Группа Черное Дерево» – что-то вроде идейных последователей знаменитого «Белого Эскадрона», боровшегося с работорговцами на территории Ливии. От «Эскадрона» ничего не осталось, но «Группа» продолжает действовать. Возможно, они помогут.

Автомобиль остановился у входа в здание Аэропорта. Шофер взял багаж и документы и направился к стойке «Эр Африк», а Давид Александер и консул Блюм нашли пустой столик в небольшом баре в углу Аэропорта, справа от входа.

– Советую вам поесть немного, – сказал консул. – Самолет по этому маршруту делает три промежуточные остановки и между ними совсем не будет времени хорошенько перекусить.

– Спасибо, но я не голоден.

– Подкрепитесь, подкрепитесь... Не позволяйте себе впасть в отчаяние и угнетенное состояние. Впереди вас ждут месяцы борьбы и разочарований. Может быть, даже вы и не выдержите, но всегда помните, что им нужно пройти около трех тысяч километров, чтобы добраться до берегов Красного моря – а это очень и очень длинный путь.

Он уже заканчивал есть яичницу с ветчиной, когда из громкоговорителя надтреснутый и хриплый голос объявил посадку на рейс.

Путешествие скорей напоминало урок географии по теме «Африка и ее достопримечательности»: маршрут начинался на побережье, а затем проходил над густыми лесами, в Яунде самолет попал под тропический ливень, а затем почти целый час летели над густыми джунглями, чтобы неожиданно оказаться над зелеными лугами, плавно переходящими, где-то в районе озера Мару, в бурую саванну.

Разглядывая через узкий иллюминатор как менялся внизу пейзаж, Давид постоянно спрашивал себя: где на этих безграничных просторах сейчас находится Надия.

– Может быть услышит шум пролетающего самолета и посмотрит вверх... А может быть сейчас сплавляется по той реке, или ее прятут в том лесочке...

Какая же она огромная, эта Африка! Кажется просто гигантской и совсем необитаемой.

Внизу проплывали километр за километром зеленые луга, желтые степи, земли как нельзя лучше подходящие для того, чтобы там выращивали хлопок, лен, маис и нигде не было видно ни одного крестьянина, занятого этим, угодным богу и человеку, делом, ни одного вола в упряжи, мула и даже трактора, а все потому, что африканцы предпочли эмигрировать в большие города, поселившись в нечеловеческих условиях пригородов, где их не ждало ничего, кроме нищеты, разврата, наркотиков, проституции, сифилиса, туберкулеза, дизентерии, холеры, всевозможных лихорадок и бездонной моральной деградации, полная потеря традиционных ценностей своей прежней, свободной жизни, какой жили предыдущие поколения и взамен которых они не получили ничего.

Когда обитатели джунглей вдруг по каким-то причинам решают переселиться в город, то на новом месте естественным образом начинают собираться вокруг тех, кто переехал туда раньше, и кто принадлежит к их же расе, племени, кто разделяет их верования и в течение некоторого времени им удается сохранить уважение к старым правилам жизни, к законам, по которым жили их предки, но ненадолго. Из-за отсутствия работы и как следствие этого – отсутствие средств для нормального существования, что приводит ко множеству проблем и несчастий, доходящих временами до уровня катастрофы, приверженность к своим традициям растворяется в ежедневной борьбе за существование, безвозвратно теряется, и человек постепенно превращается в иное существо – жестокое и эгоистичное, одинокое и враждебно настроенное к окружающим, кому ни до чего и ни до кого нет более дела, а интересуют и волнуют лишь собственные проблемы, собственные нужды и собственный голод.

Таким образом, формировался негритянский пролетариат, еще более униженный и потерянный, чем пролетариат белых, потому что для африканцев все было новым, не ясным, казалось не логичным и никогда не могли они справиться с теми трудностями и проблемами, что цивилизация воздвигла на их пути.

Вот так и получилось, что города вроде Лагоса, Ибадана, Дакара, Доуала, Абиджана, Либревилья и многих других кишат существами несчастными и потерянными, тогда как оставшаяся Африка, настоящая Африка, кажется безлюдной, покинутой и никому не нужной.

Впереди, вдали на краю желтой земли появился серебристый отблеск – великое озеро Чад, географическое сердце Континента, граница между пустыней и степью, протянувшееся на северо-восток насколько хватает глаз.

Озеро! – какое претенциозное слово для того, что на самом деле было самой большой лужей в мире. Двадцать тысяч квадратных километров воды едва покрывающей территорию огромной равнины, где глубина не превышает и двух метров, так что туземцы могли перейти его вброд от берега до берега, не пускаясь в плавать.

Когда Сахара не была еще пустыней, а безбрежными зелеными лугами и когда, как рассказывала Надия, ее предки жили в Тассили и Тибести, озеро Чад было самым большим в мире, но непрерывные засухи и пустыня «выпили» так много воды, что озеро уменьшилось в пятьдесят раз и превратилось в самое негостеприимное место на Планете, чрезвычайно жаркое и мало изученное.

– Оно настолько плоское и ровное, – убеждала его Надия, – что когда дует «харматан» (сухой восточный ветер на западном побережье Африки), то на поверхности поднимаются малюсенькие волны, но вода, подталкиваемая ветром, уходит вглубь суши на четыре и более километров. Тогда местные жители бегут из этих мест, бросая свои нищие хижины и сгоня весь скот, что смогут собрать к тому времени.

Внимание его привлекла пригоршня домишек бурых и белых, возвышавшихся на слиянии озера и широкой реки, где в устье было множество маленьких островков. Самолет продолжил полет на север, но совершив разворот, вернулся к этому месту и начал снижаться.

Через громкоговоритель объявили, что полет подходит к концу и нужно готовится к посадке в Форт-Лами – столице республики Чад. Рассматривая приближающуюся землю, Давид ощутил неприятное чувство тревоги, осознавая, что возможно напрасно понадеялся найти в этом забытом Богом уголке планеты какую-нибудь помощь.

– Очень похоже на край Земли, – пробормотал он, будучи уверен, что такое предположение не далеко от истины.

Когда дверь старенького, выдавшего вида «Каравель» открылась, порыв сухого и раскаленного ветра, едва не спалил ему легкие, а от невероятно яркого, неистового света, ударившего ему в глаза, он почти ослеп.

Какое-то мгновение он даже сомневался – а стоит ли вообще выходить наружу, но перешил себя и побежал, чуть ли не вприпрыжку, по раскаленному бетону взлетно-посадочной полосы к современному зданию Аэропорта в поисках защиты от такого яростного солнца, что за эти короткие минуты ему показалось, будто огнем опалили физиономию, а волосы едва не расплавились.

– Господь Благословенный! – выдохнул он, скрывшись в глубине большого зала. – Это должно быть ворота в ад.

Мрачный таможенник с придиричивым и наглым взглядом, потеющий невероятно в своем плотном форменном пиджаке, подозрительно листал его паспорт.

– Вы журналист, монсьеюр Александер?

– Не совсем... Я – фотограф...

– Но работаете вы в журнале... Каковы причины приведшие вас в Чад?..

– Ищу свою жену... Ее похитили в Камеруне охотники за рабами, и власти в Дуала утверждают, что они должны пересечь вашу страну...

Таможенник поднял на Давида удивленные глаза, выражение лица у него сделалось рассерженно-возмущенным, как у человека, которого без видимых причин принимают за идиота и, не поставив печать о разрешении на въезд в страну, он закрыл паспорт. Выпрямился, расправил плечи, чтобы казаться более внушительным и холодно произнес:

– Сожалею, месье, но вам придется продолжить путешествие... Опыт общения с журналистами у нас весьма печальный и все из-за того, что они пишут о происходящем внутри Чада. В соответствии с моими инструкциями въезд в страну лиц без специального разрешения нашего посла в Риме запрещен.

– Но моя жена... – Давид начал было протестовать.

– Месье, – перебил его таможенник с раздраженным видом, – ваши объяснения – самые глупые и абсурдные, какие я когда-либо слышал в своей жизни. В вашем паспорте сказано, что вы не женаты.

– Мы поженились всего лишь пару месяцев назад... И моя жена... – он засомневался, – она – африканка.

Таможенник взглянул на него удивленно. Подумал несколько секунд, внимательно посмотрел в глаза словно хотел убедиться, что ему не лгут, опять раскрыл паспорт и начал внимательно изучать страницу за страницей. И тут Давида осенило: он порывлся в своем чемодане, нашел паспорт Надии.

– Вот, это моей жены... – и протянул паспорт.

Таможенник молча кивнул, просмотрел оба паспорта и сделал отметку о разрешении на въезд.

– Удачи! – сказал он.

На выходе из Аэропорта Давид искал такси, и вновь у него возникло такое ощущение, что солнце сжигает кожу. Машина была раскалена до предела и когда они поехали по направлению к городу, то влетающий через открытые окна воздух совершенно не освежал.

– Здесь всегда так жарко? – с тревогой в голосе спросил он.

– Еще сильнее бывает... Сейчас зима... Какой отель предпочитаете, сеньор?..

«Чадьен», «Чари» или «Ду Чад»?

Давида несколько позабавило отсутствие оригинальности в названиях, но вслух ничего не сказал.

– Который из них лучший?

– «Чадьен» – самый дорогой и в некоторых номерах имеется кондиционер, который всегда работает... Но еда будет лучше в «Чари»... Мадам, хозяйка отеля – прекрасная кухарка и к тому же красивая женщина...

– Тогда везите в «Чадьен».

– Как пожелаете, сеньор... Думаю, что вы сделали хороший выбор... Он более комфортабельный и с него открывается прекрасный вид на реку... – таксист помолчал, но молчание длилось не долго. – Вам нравится Форт-Лами?

– Еще не знаю...

– Верно... Все правильно... – закачал головой таксист. – вам понравится... Немного жарковато, но в целом замечательная столица, сеньор... Настоящее сердце Африки... Сюда приезжают люди со всего континента. Торговцы-арабы из Ливии и Алжира, купцы «хауссас» из Кано: суданцы и сенегальцы в поисках природной соды из озера; камерунцы, что переплывают реку и обворовывают нас; памуе и фанг идут из Гвинеи и Габона; пастухи фулбе гонят сюда свои огромные стада и даже конголезцы...

Они въехали в город, и Давид сразу же понял, что таксист был прав. Боскимано с кожей цвета битума сидел рядом с белой сахарауи, чье лицо было закрыто тканью, а рядом прогуливалась африканка с обнаженной грудью и большим кувшином на голове. Бунту, туареги, будума, арабы, египтяне, французы, греки, дагомеи встречались друг с другом на улицах Форты-Лами, общались, обменивались товаром, делились новостями, перенимали друг у друга привычки, обычаи, элементы культуры.

Трудно представить себе подобный город где-нибудь в Америке, в котором бы уживались индейцы из сельвы, пастухи из Анд, рыбаки с Карибских островов, ковбои Техаса, менеджеры из Нью-Йорка, Голливудские звезды, канадские эскимосы, жители Патагонии... Или европейский город, где по улицам прогуливались бы в национальных нарядах, например, андалузские цыгане, шотландцы и греки, саамы из Норвегии, турки в своих тюбанах, тирольские пастухи, русские крестьяне, англичане и баски...

Такое необычное впечатление производил на приезжих Форт-Лами, где мирно уживалась вся Африка, потому что за пределами города существовала Африка расизма в Йоханнесбурге, другая Африка львов и сафари в Кении, третья – не прекращающейся гражданской войны в Конго и Нигерии, четвертая – политических интриг и египетских пирамид, пятая – это минареты и туризм в Мавритании, шестая – жажда и нефть Сахары, потом седьмая и восьмая, и еще много, много других Африк...

Пока водитель непрерывно нажимал клаксон, сгоняя со своего пути десятки велосипедистов, Давид осознал, что попал в сердцевину Континента и также в первый раз понял, что на таком Континенте, как этот, запросто могут существовать охотники за рабами.

Проехали через площадь Независимости, и таксист указал на двухэтажное здание, стоящее на углу – «Отель Чари», рекомендуя его, как заведение с хорошей кухней, где имеет смысл как-нибудь поужинать.

Затем проехали перед тяжеловесным памятником, установленным в память о том, что именно из Форт-Лами отправилась экспедиция генерала Леклерка на встречу с танками Ромеля, и оставив слева дворец Правительства с почетным караулом, наряженным в абсурдные ярко красные костюмы, проехали вдоль берега реки и остановились перед входом в «Отель Чадьен», в саду с дорожками, усыпанными гравием.

– Если вам понадобится такси, сеньор, могу приехать в любое время, сеньор, когда пожелаете... В Форт-Лами не всегда можно найти такси, сеньор, иногда это бывает трудновато и под таким солнцем не рекомендуется много ходить, особенно вредно для белых, сеньор... Так мне приехать, сеньор?

– Завтра. К восьми утра... Случайно не знаете, где я могу найти кого-нибудь из «Группы Черное Дерево».

– «Группа Черное Дерево»... – удивился таксист. – Нет... Нет, сеньор... как вы такое могли предположить, что я знаю это, сеньор? Думаю, завтра к восьми я не смогу приехать, сеньор... – добавил он, нажав на педаль газа. – У меня на это время назначена другая встреча, сеньор...

В отеле и в самом деле были комнаты, где кондиционер работал и днем и ночью. Давид решил было принять ванну, но потом передумал, потому что вода из крана текла какого-то темно коричневого цвета, поступала напрямик из реки и скорее пачкала, чем смывала грязь. Довольствовался лишь горячим душем и то лишь потому, что пока вода текла по металлическим, открытым трубам, солнце нагревало ее до состояния близкого к кипению, а более-менее прохладную воду можно было получить ближе к девяти часам вечера и позже.

Он лёг на кровать и отдохнул немного, рассматривая потолок и тени, что скользили по нему, прислушиваясь к голосам и смеху женщин, стирающих на берегу реки Чари, а где-то далеко пел рыбак на диалекте кокото, направляя длинным шестом свою пирогу вверх по течению.

Как все это: и комната, и музыка, и пение, были похожи на то, как когда они вечером прибыли в Котону и остановились в отеле «де ла Плаге». Вымылись, а потом занимались любовью до полного изнеможения. И вот также лежали и смотрели на потолок, а какие-то женщины громко говорили на улице под окном, и рыбак чинил сети, сидя на песке, и громким голосом напевал что-то.

– Представлял себе когда-нибудь, что любовь может быть такой? – спросила она.

– Я бы всю жизнь только этим и занимался...

– И кто же мешает?..

И они начали снова...

А человек продолжал напевать.

Он выглянул в окно и еще мог видеть его, пока пирога окончательно не скрылась за изгибом реки.

В другое время этот пейзаж впечатлил бы его: пылающее солнце, что-то среднее между красным и оранжевым, скрывающееся в ветвях раскидистого хлопкового дерева на берегу, а река несла свои воды неспешно и осторожно, увлекая с собой огромные куски зарослей папируса, напоминающие широкие плоты, толстые стволы деревьев, спящих кайманов, стаи белых цапель кружились в воздухе, серые аисты важно вышагивали и, изящно изгибая шею, вонзали острые клювы в песок многочисленных островков или в ил вдоль берега.

Женщины продолжали стирать, дети резвились вдалеке, какая-то девушка мылась, покрывая белоснежной мыльной пеной свою чудесную кожу света темного янтаря, старый чивудо замер на корме вытасенного на берег каяка и с бесконечным терпением ловил рыбу.

Где-то далеко гулко вздохнул гиппопотам.

Несколько лет назад в озере и реке водилось столько гиппопотамов, что гидросамолеты, летающие по маршруту Форт-Лами – Дуала, неоднократно переворачивались при посадке, сталкиваясь с массивными тушами.

Теперь гидросамолеты не летают более, а по некоторым слухам браконьеры скоро покончат и с гиппопотами.

Африка заканчивается.

– О, Господи! И почему именно та Африка должна была закончиться? Почему именно Африка спокойных пейзажей и красивых животных? Не Африка охотников за рабами, голода, болезней и несправедливости?

Он отошел от окна, когда солнце полностью скрылось за горизонтом. Спустился в бар, в этот час он был единственным посетителем, заказал виски и не спеша выпил. Бармен, долговязый француз в зеленой жилетке, с веснушками по всему лицу, встал перед ним и продолжил методично полировать бокалы. Внимательно посмотрел на Давида и наконец спросил:

– Наемник?

Давид устремил на него не понимающий взгляд:

– Простите?

– Вы наемник? Уже некоторые прибыли сюда... Ходят слухи, что Организации Объединенных Наций потребовала от Франции вывести своих десантников и президенту Томбалиае ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к помощи наемников... Здесь их очень сильно уважают... – объяснил он. – Нужны будут, чтобы немного притормозить этих чертовых туарегов.

Давид отрицательно покачал головой:

– Нет, я не наемник... – помолчал немного и добавил. – Может быть, вы знаете, где можно найти «Группу Черное Дерево»?..

– «Группу Черное Дерево»? – бармен инстинктивно понизил голос, хотя в баре никого кроме них двоих не было. – Нет. Не имею ни малейшего представления где найти эту «Группу», если они вообще существуют... А зачем они вам?

– Мне нужна их помощь... Охотники за рабами похитили мою жену в Камеруне...

– Вот дерьмо!.. Это довольно сложно... – бармен перестал полировать бокалы и, нагнувшись над стойкой, тихо произнес:

– Советую не упоминать об этой «Группе» во всеуслышание... Кое-кто не испытывает в отношении них больших симпатий.

– Это почему?

– А кто бы знал!.. Одни говорят, что это горстка шпионов-империалистов... Другие, что это коммунистические агитаторы... третьи, что это провокаторы, стравливающие магометан с севера с анимистами юга... еще поговаривают, что это агенты-сионисты, ищущие пути нанести удар по Египту с тыла...

– Но они вообще-то существуют?

Бармен неопределенно пожал плечами.

– Разные слухи ходят... Здесь, в Чаде, всегда было больше слухов, чем достоверной информации... Вполне возможно, что именно сами торговцы рабами и распространяют слухи про них... А может быть, это вовсе и не слухи, а все правда... Возможно они уже не существуют, или никогда не существовали...

– А как же узнать правду?

– Правду? – француз саркастически рассмеялся. – На этих землях, полных разных придуманных историй и откровенной лжи, отыскать правду – самое сложное дело. Мне легче добыть для вас белого медведя, чем отыскать правду... – и принялся опять протирать ста-

каны. – Правда – словно дождь в Чаде: никогда не приходит, а когда начинается, то приводит к сплошным катастрофам, все вокруг меняется и даже солнце затмевает...

– Сто франков помогут?

– Вполне возможно, что и помогут.

– Вот, считайте.

– Публика начинает собираться здесь часам к восьми. До того как ляжете спать зайдите ко мне... Но, очень прошу, не упоминайте «Группу» в разговоре... И никому не рассказывайте о том, что вашу жену похитили... Я сам не очень осведомлен, но люди здесь рассказывают, что эти охотники за рабами – что-то вроде обширной организации... Что-то похожее на мафию... Поддерживают и помогают друг другу, а когда кто-то начинает расследование в отношении кого-нибудь из их сообщества, то с ним расправляются... И здесь, в Форте-Лами, кто угодно может быть вовлечен в торговлю людьми: греческие торговцы, португальские перевозчики, половина бродячих торговцев «хауссас», арабские продавцы тканей, египетские купцы, люди, занимающиеся импортом из Нигерии, и даже государственные служащие в самом Чаде... Кто угодно!

– Даже вы?

Бармен поднял бокал и полотенце, которым полировал стекло:

– Думаете, если бы я занимался торговлей неграми, то стоял бы здесь и сушил стаканы?..

Но осекся смущенно, поняв, что его комментарий был не совсем удачным. И, как показалось, даже обрадовалось, когда в бар вошли двое, по виду охотники, потные и покрытые с головы до ног пылью, уселись в центре барной стойки, потребовали холодного пива и с мрачным выражением на загорелых лицах начали обсуждать, как большой носорог ушел от них, выскользнув буквально из рук.

– Триста километров! – возмутился старший из них, призывая бармена в свидетели. – Нет! Тысячи километров по этим адским дорогам, да еще эта засуха и как результат все покрыто пылью, и, в конце концов, эта тварь ухитрилась убежать от нас живой и невредимой... Целую неделю потеряли.

Давид медленно тянул свой виски и молча рассматривал этих двоих. Судя по всему они принадлежали к той разновидности «белых охотников», кого теперь самих можно было рассматривать как реликвию, бродящую по континенту, заселенному живыми ископаемыми, благословенными остатками того африканского изобилия тех времен, которые прошли и никогда уж более не вернуться. Времена «Зеленых холмов» и «Снегов Килиманджаро», грандиозных сафари и удивительных приключений, времен, когда животных убивали без счета и без причин... Времена «охотничьих трофеев» и романтических легенд об этой земле, что, в конце концов, и уничтожили самую красивую фауну когда-либо существовавшую на Земле.

Это были люди, которых Надия ненавидела всем своим существом, кто до сих пор жадно цеплялся за древние представления, будто Африка никогда не будет ничем иным, но только огромными охотничьими угодами, населенными «боями» тихими и послушными, готовыми повсюду таскать тяжелые ружья и без конца услужливо кланяющиеся и приговаривающие: «Да, бвана».

– Маньяки, гомосексуалисты, умственно отсталые, импотенты! И вот эти людишки приезжают сюда убивать слонов и носорогов, – возмутилась она, вне себя от сжигавшей ее ярости. – Убивать издалека животных больших и благородных, не подвергая себя опасности – это один из низких, мерзких способов избавиться от собственных комплексов неполноценности.

– Вообще-то, я не думаю, что все выглядят, как ты их описала, – пытался возразить он. – Некоторым нравится охотиться, чтобы поучаствовать в каком-нибудь приключении.

– В приключении?! Убить тридцать тысяч слонов за один год – это ты называешь приключением? Это разновидность преступной деятельности, которой могут заниматься только

трусы, не смеющие убивать себе подобных, лишь потому, что знают – их за это повесят... Маньяки, гомосексуалисты, импотенты!..

Когда они в своих спорах доходили до этого места, Давид предпочитал отмалчиваться, позволяя Наде выговориться полностью. Стоило ему возразить, как они безнадежно увязали в бесполезной словесной баталии, в ходе которой Надия начинала волноваться все больше и больше и, в конце концов, совершенно терял контроль над собой.

Однажды они дня два не разговаривали, после того, как Давид попытался немножко, без особенного энтузиазма, заступиться за охотников и с того времени пришел к выводу, что в их отношениях эта тема под запретом – «табу».

И вот сейчас, наблюдая за этими людьми, грязными, уставшими, обожженными солнцем и покрытые пылью, глотающие одно холодное пиво за другим, стараясь «очаровать» бармена своим рассказом, как они преследовали в течение недели раненного в бок носорога, ему стали понятны причины, по которым Надия ненавидела их. С подобными разновидностями рода человеческого она прожила бок о бок с самого детства и, наверное, тысячу, а то и более раз, слышала подобные истории, повторяемые при каждом удобном или неудобном случае.

Говорили громко, стараясь втянуть в разговор и Давида, расширив, таким образом, необходимую аудиторию, без которой рассказ об их подвигах настоящих и мнимых не имел бы никакого значения, но он предпочел игнорировать их, удалиться, поскольку сразу же почувствовал в их словах и жестах ту агрессивность, всегда нервную его, то желание говорить все больше и больше, и все более громким голосом, стараясь заглушить соперника, хотя это и приводило к тому, что начинали говорить все больше и больше глупостей, и все более громким голосом, порой срывающимся на крик, и тоном авторитарным, не допускающим никаких возражений.

В этом мире охотников разных было более чем достаточно, и Давид инстинктивно избегал встречи с ними, преследуемый каким-то непонятным, нездоровым чувством страха: охотники за деньгами, охотники за женщинами, охотники за теми, кто превысил скорость, охотники за культурой... и все они имеют обыкновение громким голосом, чтобы быть услышанными как можно дальше, рассказывают о своих убитых «носорогах», о женщинах, с которыми удалось переспать, о своих хитростях и о том, сколько им пришлось испытать, пройти, пробежать... и о своих глубоких знаниях в области литературы, живописи или науки.

Рядом с такими людьми Давид ощущал себя, словно загнанная дичь – этакая разновидность мечтателя, представитель «аудиториус перфектибус», кто, будучи пойманным, способен выдерживать в течение часов непрерывную болтовню, не проявляя при этом признаков смелости и воли, чтобы решительно развернуться и уйти или послать болтуна-оппонента к чертовой матери.

И то была самая ненавистная черта его характера – эта неспособность взбунтоваться и его бессилие пред чужим хамством, его страх пред тем, что грубое слово может ранить себе подобного, кто бы он ни был этот «себе подобный».

И в тот день, когда ему удастся переступить через самого себя, превозмочь свои страхи и сомнения или в тот день, когда он сможет стать ироничным или... более простым по отношению к другим..., сможет не теряться, столкнувшись с чужой иронией – этот день станет для него переломным, потому что сумеет сделаться тем, кем никогда не был – типом довольным самим собой, и почувствует, что у него получилось изменить свой характер так, как оно всегда этого хотел, и как ему это нужно было сделать.

– Дело в том, что ты чрезвычайно положительный, – неоднократно повторяла Надия, – слишком хороший и потому тебя принимают за глупца и за человека бесхарактерного... Воспротивься этому, взбунтуйся! Дай понять им иногда, что и можешь быть таким же...

– Начать с тебя?

– Почему бы нет? Думаешь, это многое изменит? Полагаешь, что какой-нибудь наш спор чуть ли не до драки приведет к тому, что я перестану любить тебя?

– А может наоборот – сделает так, что полюбишь еще больше?

– Мало вероятно...

– Ну, тогда оставим все как есть... Не смогу я это изменить... Никогда у меня не получится!

Но вот сейчас, сидя в том баре, слушая и не слыша разглагольствования тех охотников, Давид спрашивал себя: а неужели и в самом деле у него не получится измениться или... наоборот, он уже начал меняться.

Сейчас он в полной мере ощущал, как наполняется ненавистью, такой ненавистью, какую никогда до этого ни при каких обстоятельствах не испытывал, ненавистью, позволяющей ему, наверное первый раз в жизни, быть жестоким и безжалостным по отношению к тем, кто отобрал у него Надю.

Он спросил себя: а сможет ли убить человека? но готового ответа пока не было, хотя и понимал, что очень скоро найдет ответ и на этот вопрос, потому что рано или поздно наступит такой момент в его жизни, когда придется взглянуть в глаза реальности. Надя была похищена людьми, для которых ни жизнь, ни смерть не имели особенного значения и вполне возможно, что возникнет такая ситуация, при которой перед ним встанет выбор: либо убить, либо умереть самому.

И когда это произойдет, когда выбор потребуется сделать в считанные секунды, нужно быть уже готовым и нужно понимать, что тот вред, который он может нанести врагу, всегда будет меньше, чем вред, который враг нанесет ему.

Игнорировать этот простой факт – значит обманывать самого себя и это не приведет ни к чему хорошему и единственное, что пугало его в этой ситуации – это не понимание того, что подобная нерешительность есть следствие его природной доброты и болезненной робости, на что в свое время указывала Надя, или полное и абсолютное отсутствие характера.

Было даже время, когда он собирался обратиться к психотерапевту в надежде, что кто-то иной при помощи разных научных знаний разрешит эту проблему за него самого, но... потом передумал, решив, что на самом деле и не было особенной необходимости менять что-то, становиться более жестким, начинать формировать новую личность, с которой придется постоянно бороться.

Если в течение многих лет он умудрялся жить в мире с самим собой, то зачем что-то вообще менять?..

Но теперь все изменилось само собой. Совершенно изменилось. Теперь в его жизни появилась Надя.

Он сидел на краю леса и равнодушно наблюдал за тем, как солнце садится. Когда колонна приблизилась к этому месту и остановилась, он обратился к суданцу:

– Вот там шоссе, а дальше река Чари... Очень густо заселенная зона...

– Я знаю.

– Между Форт Арчембо и Форт-Лами очень оживленное движение. Грузовики на дороге, пироги и плоты на реке...

– Перейдем ночью...

Амин указал на измученных длительным переходом пленных, попадавших без сил на землю, среди высокой, сухой травы.

– Лучше завтра ночью... Придется идти очень быстро, чтобы рассвет не застиг где-нибудь на подходе реке.

– Не нравится мне это место... Могут заметить и донести в Буссо.

Амин жестом указал на двух мальчиков, шедших в конце колонны.

– Не выдержат ритма... Останутся на дороге.

Сулейман Р. Ораб посмотрел на караван.

– Предпочитаю потерять двоих, чем всех, – ответил он и отвернулся. – Раздать еду и отдыхать, – приказал он своим людям. – Через два часа выходим.

Послышалось недовольное бормотание, но после того, как он многозначительно щелкнул кнутом, все замолчали.

– Тихо! – закричал он. – Будем идти всю ночь и кто отстанет, тому перережу горло. Всем ясно? Не позволю, чтобы кто-нибудь отстал. Стисните зубы и ускорьте шаг, иначе... это будет последняя ночь в вашей жизни...

Подошел к Надие и сел рядом.

– Очень мне не хотелось бы свернуть тебе шею, черномазая, – сказал он. – Ты одна стоишь столько, сколько весь остальной караван.

– Да ты сам быстрее сдохнешь на этой дороге, чем я.

– Да, я заметил, черная. Похоже, что ты всю свою жизнь ничего не делала, кроме как ходила, бегала и прыгала, но все равно у тебя оставалось время, чтобы учиться и изучать языки... Да, ты – редкая штучка. Никогда не встречал таких, как ты. И был бы я на двадцать лет помоложе – никогда бы не продал тебя шейху. Оставил бы себе... – он снял свой большой тюрбан и принялся пальцами вылавливать вшей, щелкая их между ногтями. – Но я старею и начинаю уставать, хочу оставить это дело – скакать из одной части Африки в другую... Может обоснуюсь в Суакине и буду продавать жемчуг пилигримам, идущим в Мекку... Там в спокойствии и тишине проведу старость, любясь Красным морем и окруженный внуками.

– Ценой скольких жизней?.. Скольких мужчин, женщин и детей ты продал, чтобы обеспечить себе спокойную старость?

Сулейман Р. Ораб неопределенно пожал плечами и продолжил давить вшей, и даже не поднял головы, чтобы ответить.

– Слушай, черная, все мы были когда-то рабами... пророк Магомет, да благословенно будет его имя, никогда не запрещал рабство, и издревле известно, что хозяин может делать со своим рабом все, что ему захочется...

– Магомет никогда не одобрял рабства, и про это нет ни одного слова в Коране...

– Но и против также нет ничего, и это я понимаю, как одобрение.

Он отошел в сторону и начал с жадностью поедать остатки газели, подстреленной Амином днем ранее, молча бросая обглоданные кости рабам, что с жадностью набрасывались на них, выискивая крохи оставшегося мяса или шкуры.

Охранник роздал каждому по пригоршне проса, прямо в сложенные руки, без какой либо посуды, и все принялись торопливо есть, потому что если кто-то замешкается – сосед обязательно отберет оставшуюся часть рациона.

Наконец каждому налили по глотку воды из бурдюка грязного и вонючего. На этом прием пищи закончился и это был дневной рацион.

Поев, каждый улегся на землю, где и сидел, и ел недавно, в надежде немного поспать перед новым переходом.

На ночном африканском небе засияли бесчисленные звезды. Узенький, словно серп, месяц робко поднялся над горизонтом и Амин поднялся на ноги.

Можно было подумать, что тот тощий, жилистый, с узловатыми конечностями негр не знал покоя, никогда не спал, не уставал, не чувствовал ни голода, ни жажды. Он был не просто разведчик и проводник, выискивавший новых жертв и предупреждавший об опасности, шедший всегда впереди, на полчаса раньше, чем сам караван, но также он всегда брался за самую тяжелую работу, каждый раз выходил в ночной дозор, при помощи длинного лука и прочных стрел добывал дичь, и еще у него оставались силы и время, чтобы под утро удовлетворить свои сексуальные аппетиты среди рабов.

С того самого дня, как суданец высек его, он старался не приближаться к Надие, но она постоянно чувствовала на себе взгляд его злых глаз, что словно ощупывали и раздевали ее, глаз, про которые некоторые утверждали, будто он никогда не закрывает: ни днем, ни ночью.

Даже сам Сулейман Р. Ораб начинал нервничать в его присутствии и однажды Надия подслушала, как он признался одному из своих людей, тощему ливийцу по имени Абдул:

– Однажды нам придется прикончить этого проклятого негра... Жалко, конечно, потому что никогда я не встречал проводника лучше, чем этот, и следопыт он отличный и полезный, но если я не покончу с ним, то он покончит со мной... В этом сукине сыне какой-то черт сидит...

– Люди говорят, что когда он ночью уходит из лагеря, то превращается в зверя... Там, в Дагомеи, один колдун сделал из него «человека-леопарда»...

– Никогда не верил в эту ерунду – колдовство негров, и Магомет предостерегал нас против этого... Если увижу, что он ночью превращается в зверя, подстрелю эту тварь не задумываясь... Никакой леопард не сможет противостоять моему «Ремингтону»...

Подняли всех и двинулись в путь. Шли более трех часов, без отдыха, в изматывающем, сумасшедшем ритме, во главе колонны бесшумно двигался Амин, казалось, что в этой крошечной тьме его ведет какое-то шестое чувство.

Сулейман и его люди ругались шепотом, натываясь на кусты и спотыкаясь о невидимые корни, и когда кто-нибудь из рабов, запнувшись ногой, падал на землю, то следом за собой увлекал связанную с ним цепочку пленных, и почти вся колонна валилась на землю, путаясь в веревках и цепях, отчаянно размахивая руками и ногами, ругаясь и стоня, и только авторитет араба и его кнут могли поднять их с земли, он вновь выстраивал колонну и гнал всех вперед во мрак ночи.

Ничего, кроме стонов, ударов и тяжелого дыхания, не было слышно.

Самый маленький из мальчишек наконец не выдержал и без сил рухнул на землю. Связанный с остальными, его несколько метров тащили, пока ливиец не поднял его за пояс, стараясь привести в чувство:

– Идем, идем, – просил он. – Не сдавайся. До шоссе осталось совсем немного.

– Оставьте меня, – всхлипывал мальчик.

– Иди, дурак! – продолжал настаивать ливиец. – Не видишь, тебя убьют, если остановишься?..

И так они продолжали идти, пока вдруг вдалеке, разорвав ночной мрак, не появились два луча, прочертив вначале по небу и по вершине холма, а затем скользнули вниз на равнину и помчались с большой скоростью.

Вскоре, заглушая все звуки, послушался гул мощного мотора, и Сулейман приказал всем лечь на землю.

С юга, со стороны Форта Аршембо, появился свет фар другого, более легкого автомобиля. Прячась в высокой, сухой траве, рабы и охранники молча наблюдали, как лучи света двинулись на встречу друг другу.

Грузовик первым проехал рядом с ними, всего в метрах в пятидесяти, и через километр встретился с тем, что оказалось джипом, оба автомобиля разъехались и скрылись в северо-восточном направлении.

Когда, наконец, воцарилась тишина, суданец поднялся на ноги.

– Вперед! Пошли, пошли! – приказал он. – Дорога еще длинная.

Колонна начала подниматься, но мальчишка остался лежать на земле не в состоянии даже пошевелиться.

Ливиец взглянул на него, отрицательно покачал головой и подошел к Сулейману.

– Этот не сможет сделать и шага, – указал он на мальчишку. – Я не могу нести его всю ночь...

– Развяжи его... – приказал суданец.

Ливиец уже собирался выполнить приказ, но Амин опередил:

– Подожди! – попросил он. – Я все сделаю... Потом догоню вас. Достаточно идти все время вперед в направлении реки...

Сулейман с отвращением посмотрел на него:

– Ты что, ни о чем другом думать не можешь?.. – спросил он. – Ну, ладно!.. Делай как хочешь...

Взмахнув рукой, он указал каравану, что нужно начинать движение, а Амин остался позади, вместе с мальчишкой, которого уже освободили от кандалов.

Ведомые Сулейманом и ливийцем, рабы перешли пустынное шоссе и скрылись в темноте.

Амин какое-то время стоял неподвижно, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к ночным звукам, пока не удостоверился, что они остались одни, а все остальные ушли достаточно далеко. Потом опустил взгляд и посмотрел на мальчишку, который глядел на него, не моргая, огромными, широко открытыми черными глазами.

Он был похож на перепуганную до смерти газель, сбитую с ног одним ударом лапы леопарда и ожидавшую, что вот сейчас тот добьет ее.

Негр медленно наклонился, встал рядом на одно колено и начал рассматривать его вблизи. Слышно было сдавленное дыхание этого маленького существа, настолько охваченного все подавляющим чувством страха, что он даже не мог плакать.

Рука Амина скользнула вниз и начала ласкать его.

«Кускус» у Мадам был и в самом деле изумительный. Лучшего он не пробовал в самых изысканных ресторанах Танжера или Касабланки, даже в самом «Эль Алмудиа», в Мадриде, готовили хуже, хотя Надия и похвалила его.

Вино было ароматным и прекрасно подходило по вкусу, а сыры, недавно привезенные, были разложены на красных скатертях, вокруг мебель темного дерева, лампы, затененные абажурами из пергамента, и прохладный, кондиционированный воздух.

– Жаль, что все остальное в этом отеле не так хорошо, – пожаловался Давид.

– Я редко останавливаюсь в отеле, поэтому предпочитаю «Чадьен». Такая еда меня утомляет...

Тор Ериксон допил свой кофе, промокнул салфеткой белоснежные усы и зажег сигару, короткое пламя высветило еще резче угловатые черты его лица, глубокие глазницы, обрамлявшие голубые глаза.

– Хорошо... – согласился он. – Было бы глупо продолжать скрывать кто я есть на самом деле. В самом деле, я руковожу в Форт-Лами фирмой, занимающейся импортом, но и в то же время я представитель «Комиссии по упразднению рабства».

Как вы понимаете, носить этот титул – честь для меня, но и по причинам связанным с личной безопасностью, предпочтительно не оглашать его публично, держать в секрете. Во всем Чаде не более двадцати человек знают про мою настоящую деятельность, и убедительно прошу вас публично это не комментировать тоже.

– Даю слово, – заверил его Давид. – Можете мне помочь?

Швед сделал широкий и не определенный жест.

– Хотел бы я знать как?.. К сожалению и «Комиссия по упразднению рабства», и «Сообщество противников рабства в Лондоне», а также все остальные организации, как общественные, так и частные, что борются против торговли людьми, страдают одним и тем же – их намерения гораздо лучше, чем те средства, которыми они обладают. Вы можете полностью рассчитывать на мою моральную поддержку, но на данный момент вам никакая мораль не нужна, а нужна армия, способная прочесать саванну и пустыни.

– Можно ли получить что-то похожее от властей?..

– Сомневаюсь... Проще будет получить помощь от французского военного гарнизона, но только не официально. У них здесь довольно многочисленный контингент из легионеров и десантников. Их задача сдерживать продвижение племен с севера. Постараюсь уговорить полковника Бастиен-Матиас, чтобы предоставил в наше распоряжение несколько человек и пару самолетов...

Давид подождал, пока официант не закончит сервировать коньяк в большой подогретый бокал. С удовольствием сделал пару медленных глотков и внимательно посмотрел на своего собеседника. Наконец решился и спросил:

– Мне рассказывали про некую «Группу Черное Дерево»... Что вам известно про них?

Теперь уже сам Тор Эриксон медленно смаковал коньяк, но наконец решился и ответил:

– Я ожидал этот вопрос. Допускал, что кто-то уже упомянул о них...

– Так они существуют?..

Швед неуверенно кивнул головой.

– Да. Думаю, что все еще существуют...

– И где я их могу найти?

Эриксон неопределенно пожал плечами.

– Кто бы мог сказать... «Группа Черное Дерево», словно тень орла – никогда не пролетает над одним и тем же местом дважды...

– Это правда, что люди про них говорят? – обеспокоенно спросил Давид.

– Что вам еще наговорили?.. Что они шпионы, террористы или агенты Израиля?.. Не слушайте этот вздор. Никто точно не знает кто они такие, за что воюют и кому подчиняются... – помолчал и иронично улыбнулся. – И даже я...

– Может статься, на самом деле, новая версия «Белого Эскадрона».

Тор Эриксон задумался.

– Не думаю, – наконец произнес он. – «Эскадрон» никогда не скрывал своей деятельности и штаб его располагался ни где-нибудь, а в Триполи. Достаточно было прийти к ним и все увидеть собственными глазами. То были ребята из богатых семей, по большей части миллионеры и сражались они из любви к приключениям и за свободу... Умирили как герои, принимали смерть не моргнув. Сомневаюсь, что эта горстка призраков, прячущихся всегда в тени, имеет что-то общее с теми... Если то, что они делают достойно и красиво, то от чего прячутся?..

– А вы, сеньор Эриксон? Если вы и в самом деле представитель «Комиссии за упразднение рабства»... от чего вы прячетесь?

Швед беспокойно заерзал в своем кресле.

– Это не одно и то же... – запротестовал он. – Если я начну трезвонить на каждом углу кто такой есть на самом деле, то любой торговец рабами приклепнет меня при первом удобном случае в каком-нибудь переулке. Но те всегда вооружены и у них заранее разработан план нападения... Зачем скрывать свои имена, даже от меня?

– Я думаю, что на этот вопрос лучше всего ответят они сами, а мне нужно найти их. Я хватаюсь за любую надежду на помощь.

– Искренне желаю вам удачи, но найти их будет трудновато. Уже год, наверное, о них ни слуху, ни духу. Если все еще существуют, то должно быть прячутся в каком-нибудь отдаленном уголке пустыни... Интересовались когда-нибудь какую площадь занимает Чад? Эта страна больше Испании и Франции вместе взятых, а жителей всего около четырех миллионов, да и то население раскидано по всей этой огромной территории. Здесь почти нет шоссе и других дорог, нет аэропортов, каких-либо других средств связи... Если они не хотят, чтобы их нашли, то их никогда и не найдут.

– То же самое можно сказать и про похитителей моей жены, но я вас уверяю, что найду их и верну ее... У них же есть семьи, где-то они живут...

– Семьи?.. – Эриксон замолчал, поднеся недокуренную сигару к губам.

Было очевидно, что мысленно он находится далеко отсюда, хотя и взгляд его был устремлен на торговцев «хауссас», продававших деревянные статуэтки под деревьями вокруг площади Независимости. Отрицательно покачал головой:

– Нет... Не думаю, что кто-то из них имеет семью здесь, в Африке, но...

– Что но?.. – восторженно воскликнул Давид.

Эриксон взглянул на него и не совсем уверенно произнес:

– Вообще-то, это всего лишь слухи... Здесь, в Чаде...

– Да, я знаю, Чад – это страна слухов... Так о чем же на этот раз говорят?..

– Где-то пару лет назад в Форт-Лами приехала одна девушка... Какое-то время жила в том доме, на противоположной стороне площади, а затем организовала Колледж де Парвалюс у дороги, ведущей на кладбище... Говорят, что какое-то время она была любовницей одного министра и нашел он ее в одном кабаре Триполи... А затем министр скрылся, прихватив с собой кругленькую сумму, а девушка так и осталась здесь, и как показалось все это ее совершенно не затронуло... Вот тогда-то один человек сказал мне, очень конфиденциально, что на самом деле она была любовницей одного из участников «Группы Черное Дерево». Мой человек уверял, что каждые три-четыре месяца он приезжает, чтобы повидаться с ней, остается на несколько дней и затем вновь исчезает...

И как я вам уже сказал – это всего лишь разговоры.

– Как я могу добраться до этого колледжа?

Тор Эриксон сверился с часами.

– Половина второго... Где-то в это время она обычно проезжает на своем фургончике чтобы забрать детей. В два у них начинаются занятия. Я вас отвезу туда.

– От того, что вы начали помогать мне, будут у вас проблемы?

– Возможно... – он потушил сигару в пепельнице и взглянул на Давида. – Конечно будут... Кто вас направил ко мне?

– Это – секрет. Я обещал не рассказывать об этом. Мне лишь сказали, что «Эриксон либо набирает наемников, либо сам занимается торговлей рабами, либо представитель Организации Объединенных Наций... Идите к нему сами и попытайтесь узнать...»

– И если бы получилось, что я не тот человек? Если бы я оказался торговцем, что тогда? Давид промолчал. Казалось, что он даже не слышал вопроса.

Допил свой коньяк, поставил бокал на стол.

– Могут европейцы участвовать во всем этом?

– Мне больно это говорить, но да, – ответил швед. – Ну, не напрямую, не в качестве охотников за рабами, но известно, что некоторые руководят этим бизнесом из Каира, Хартума и Аддис-Абебы... Есть также пилоты, что перевозят человеческий товар на последнем этапе, капитаны кораблей, водители грузовиков...

Но хватка этих европейцев начинает чувствоваться где-то гораздо выше, на международном уровне. Каждый раз как в ООН собираются принять какие-нибудь резолюции или одобрить действия, затрагивающие интересы некоторых стран, не возражающих против рабства, кто-то всегда вмешивается... Кто-то, кто при других обстоятельствах всегда размахивает знаменем за свободу и равенство, и за права человека... И знаете почему? – он замолчал и пауза тянулась довольно долго, словно он специально хотел добиться определенного театрального эффекта. – Причина одна и та же, что движет этим миром, друг мой... Это – нефть! – закончил он с ударением.

– Нефть?

– Именно, нефть. Все эти княжества и эмираты на Аравийском полуострове владеют нефтяными разработками.

А всем этим принцам и эмирам ох как нравятся рабы... И не для того, чтобы заполучить свежее мясо для своих гаремов, или удовлетворить свою вечную похоть и понасиловать

девочек... Нет, дело тут в другом – это скорее историческая традиция, врожденная необходимость чувствовать себя выше, чем остальное человечество. Несмотря на все их «Кадиллаки» из золота, несмотря на пару сотен жен и полный дворец льстецов, все эти шейхи страдают комплексом неполноценности.

Причина? Все та же нефть, которая превратила их из грязных пастухов, живших по законам средневековья, в могущественных хозяев этого мира, кто в состоянии угрожать цивилизованным народам, указывая на то, что стоит им только перекрыть этот поток энергии, то...

Но в глубине души, под всеми этими холёными покровами, они прекрасно понимают, что остаются совершенно невежественными и без чужой помощи не смогут извлечь и капли той самой нефти, без которой они естественно не смогут щеголять своими богатствами. Они приезжают в Европу и тратят целые состояния в казино Монте-Карло, но все равно ощущают на себе такие же взгляды, как если бы люди вокруг них смотрели на ярмарочную мартышку. И если вдруг Человечество перестанет нуждаться в нефти, то они там, в пустыне своей, умрут от голода...

– И что общего все это имеет с рабством?

– Наивысшее наслаждение властью, которое может испытать человек, возникает, когда он становится абсолютным, без каких либо моральных и физических ограничений, хозяином жизни других человеческих существ, когда он может распоряжаться ими по своему усмотрению: кормить, когда в голову взбретет, убивать, когда надоедят. Знаете, что некоторые покупают специально молодых мужчин, сильных, выносливых, хороших бегунов, чтобы затем устроить охоту на них, будто это какие-нибудь антилопы?

– Нет... Не верю... Даже если вы поклянетесь, все равно не верю... Такого быть не может, потому что... Потому, что просто не может быть.

– Если когда-нибудь, по каким-нибудь делам приедете в Лондон, загляните на третий этаж дома 49 по Воксхол Бридж. Спросите там полковника Патрика Монтгомери – секретаря «Общества против рабства», передайте ему, что вы пришли по моей рекомендации. Он сможет рассказать много интересного, покажет неопровержимые документы и фотографии, от которых волосы становятся дыбом. В нашем мире, современном и технологичном, когда человек собирается лететь на Луну, в мире, где идет сексуальная революция и где повсеместно курят марихуану, совсем не стесняются признаться в том, что до сих пор существуют миллионы рабов, и более трех тысяч каждый год похищается в Африке, и переправляются, словно звери, в Аравию, – Эриксон поднялся из-за стола. – Будет лучше, если мы пойдем, – сказал он. – Нам уже пора, к тому же подобные разговоры портят мне настроение.

Они вышли во внутренний двор отеля, представляющий собой большой цветник, в центре которого сверкал прозрачными струями маленький фонтанчик. Все комнаты на обоих этажах выходили в этот внутренний сад, что придавало всему зданию необычный для этих мест южноамериканский колониальный вид. Эриксон вошел в четвертый номер, дверь которого всегда оставалась открытой, и вышел со связкой ключей.

Они сели в старенькую «Симку», выкрашенную в голубой цвет.

– Каждый год хочу заменить ее на что-нибудь поновей, – прокомментировал он, – но не могу позволить уродовать новую машину на этих чертовых дорогах.

Они медленно продвигались в толпе велосипедистов и пешеходов, проехали пред отелем «Чадьен», затем выехали на берег реки и двинулись на север, в направлении озера. Большое стадо коров с огромными рогами в форме буквы «V» неторопливо брело перед ними, растянувшись через все шоссе, и пришлось набраться терпения, пока идущим рядом не надоело это шествие, и они не согнали стадо в сторону.

– Это – «фулбе», – объяснил швед. – Люди очень гордые и с дурным характером... Для них независимость значит выгнать стадо на шоссе или на улицу и испытывать таким образом

терпение европейца. Если нажмешь клаксон, то они нападут на тебя с палками и камнями, потому что они в своей стране, а ты чужой здесь... Последствия деколонизации...

– Хотите сказать, что лучше бы им оставаться под властью Франции?

– Нет, друг мой... Ни в коем случае. И не это я хотел сказать, и не надо меня впутывать в безрезультатный спор. Ага, вот и тот дом!

Они остановились перед одноэтажным зданием, выкрашенным в желтый цвет и окруженным красивым парком. Изнутри доносились детские голоса, смех и пение. Чернокожая девочка лет двенадцати выбежала им навстречу и открыла калитку.

– Сеньорита Миранда у себя? – спросил Эриксон.

Девочка указала головой на заднюю часть двора. Они пошли за ней следом по дорожке, выложенной камнем, вошли в сад, по которому сновали во всех направлениях с полсотни ребят-тишек, чей цвет кожи варьировался от белого с волосами, как у альбиносов, до совершенно черного с курчавой головой. Никто из них ростом не превышал одного метра. Некоторые из них сидели на траве вокруг девушки с серыми глазами и распущенными, словно грива, волосами, что распевала довольно приятным голосом какую-то детскую песенку.

Увидев их, она замолчала, возможно смутившись, но спустя несколько секунд, переборов нерешительность, пошла им навстречу через то необычное море детских головок.

– Вы меня искали? – спросила она.

– Прошу прощения, сеньорита... – ответил швед. – Мы хотели бы переговорить с вами наедине. Дело очень важное...

Она указала девочке, открывшей калитку, чтобы продолжила занятия с хором, а сама пошла внутрь дома. Провела Давида и Эриксона в маленький кабинет, оклеенный обоями с изображением ярких цветов, прошла и села за кокетливый столик оранжевого цвета, а гостям предложила расположиться напротив, на двух хрупких с виду стульях.

– Я вас слушаю...

Эриксон начал было говорить, но потом передумал и указал на Давида.

– Лучше будет, если вы сами все объясните...

– Постараюсь быть кратким, – пообещал Давид. – Мою жену похитили в Камеруне, это сделала некая группа охотников за рабами. Мы уверены, что они пересекут Чад в направлении Судана и Аравии. Я приехал сюда в надежде освободить ее...

Миранда Брем смотрела на них со смешанным выражением на лице, что-то среднее между удивлением и заинтересованностью.

– И?..

– Надеюсь, что вы сможете помочь мне...

– Я? – удивленно переспросила девушка. – И каким образом?

– Похоже, мы все поняли неправильно, – продолжил Давид с обреченным видом. – Прошу извинить меня, если я ошибся, но также надеюсь, что вы поймете и мое положение: я отчаянно цепляюсь за любую маломальскую возможность.

– Честно сказать, я ничего не поняла, сеньор...

– Александер... Давид Александер... Видите ли... – он замаялся. – Дело в том, что нужно найти так называемую «Группу Черное Дерево» – он замолчал, перевел дыхание и, собравшись, продолжил. – Мне сказали, что вы могли бы свести меня с этой группой...

– Что я смогу свести вас с «Группой Черное Дерево»?.. – Миранда Брем удивленно округлила глаза. – Мне больно говорить вам это, но кто-то очень жестоко посмеялся над вами... Происшедшее с вашей женой, конечно же, ужасно и плачевно то, что в добавок к этому кто-то внушил вам безосновательные надежды... Ели бы у меня была хоть крохотная возможность помочь вам, то оказала бы эту помощь. Родители моих учеников, как правило, люди влиятельные. Я могла бы свести вас с ними, если это так нужно... – она зажгла сигарету, запястье у нее

было сильное, а все жесты плавные и даже изящные. – Что касается этой группы... Ни какой полезной информации для вас у меня нет, разве что разные неопределенные сплетни...

Несколько секунд Давид смотрел на нее молча, страстно желая заглянуть в глубину ее мыслей.

Она это поняла и спокойно выдержала его взгляд, не отвела глаза в сторону. В течение этих секунд, что показались бесконечными, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь нестройным детским хором, распевавшим в глубине сада какую-то песенку. Давид глубоко вздохнул и встал.

– Хорошо... – обреченно произнес он. – Полагаю, что никакая женщина не оставит другую без помощи в подобном положении. Сожалею, что побеспокоили вас, сеньорита... Хорошего вечера!

– И вам хорошего вечера и удачи, сеньор.

Они вышли, а девушка осталась сидеть и продолжала курить, и пока они шли через сад, а затем сажались в автомобиль, она наблюдала за ними через окно.

Уже выехав на шоссе, Ериксон, не поворачивая головы, уверенно произнес:

– Лжет!

Какое-то время она наблюдала за рекой, медленно несущей свои воды на север, на встречу с озером Чад.

Наверное, боль ее была бы сильнее, как и надежда, впрочем, знай она, что в трехстах километрах ниже по течению в это же самое время Давид спал в своей комнате, чьи окна выходили на реку, на противоположный берег все той же реки Чари.

Восход солнца застал их на подступах к реке, пересечь ее у них не получилось.

Несмотря на то, что Амин, ливиец и еще два охранника провели всю ночь в поисках какой-нибудь пироги, плота или лодки, ничего подходящего, на чем можно было бы переплыть эти воды, переполненные крокодилами, найти не удалось.

Наконец, когда уже солнце поднялось над горизонтом, Сулейман решился ворваться в крохотную хижину, стоящую у берега на сваях и соединенную с ним шатким деревянным мостиком. В хижине, в самом дальнем и темном ее углу они нашли пару скрючившихся от страха перед огромной винтовкой суданца, стариков, более похожих на живые скелеты, чем на людей.

– Отвечай, старик! – орал суданец. – Где твоя лодка?

– Дети забрали... – едва слышно прошептал он. – Поплыли на озеро за содой... В это время года все лодки на реке заняты в торговле содой...

Сулейман повернулся к Амину.

– Это верно?

Негр неопределенно пожал плечами.

– Если он так говорит... В округе на десять километров не осталось ничего, чтобы могло плавать, и правда, что шахты Канема, где добывают соду, работают сейчас в полную силу.

– И о чем же ты думал тогда, придурок? За что я тебе плачу?

Амин претворился, что ничего не слышал.

– Не велика проблема, – ответил он. – Нужно лишь сбить плот и этой ночью перебраться на противоположный берег.

– И всего лишь? – иронично переспросил суданец. – И из чего же мы сделаем этот плот? Собираешься рубить деревья на виду у всех, кто будет проходить по этой дороге? А если нас спросят, то мы так просто и ответим: Не беспокойтесь, так уж случилось, что у нас в этой хижине спрятано двадцать рабов и мы хотим перевезти их на противоположную сторону... Все очень просто, правда?

Но Амин продолжал делать вид, что ничего не слышит, а затем вдруг громким голосом начал говорить, при этом не смотрел ни на кого, словно разговаривал сам с собой или со стеной, и тем самым выказывал полное презрение к своему патрону:

– Хижина из дерева, – потопал ногой по полу. – мебель, перегородки, пол... столбы, на которых она стоит – все это дерево, хорошее дерево, что не тонет.

Сулейман, обернувшись к старухе, приказал:

– Иди наружу и начинай стирать одежду! И если кто-то, проходя мимо, спросит, что за шум, скажешь, что это муж пол делает... А если скажешь больше, то этот негр снесет тебе голову одним выстрелом, а я сверну шею твоему старику... Ясно?

Глаза женщины наполнились слезами, но она ничего не ответила. Встала, вытащила из угла охапку тряпья и вышла наружу, на берег, чтобы начать стирать.

– А сейчас всем работать! – рявкнул Амин. – Этой ночью у нас будет плот...

Все начали разбирать хижину при помощи мачете, досок, импровизированных молотков. Работой руководил Амин, про которого можно было бы сказать, что он ничего в жизни другого не делал, кроме как все время строил плоты при помощи веревок и кусков дерева.

И по мере того, как пол исчезал, рабы перебирались на бревна, служившие каркасом для хижины, и вынуждены были сидеть там, каким-то образом удерживая равновесие, подобно курам на насесте или обезьянам, висящим на ветвях, что не позволило им использовать случившийся день отдыха, единственный, какой выпал за все время перехода.

Иногда кто-нибудь из них засыпал, даже находясь в таком не удобном положении, и падал в воду, утаскивая за собой ближайших своих соседей, но все это заканчивалось тем, что Сулейман, проклиная всех и вся, начинал работать своим кнутом направо и налево, и оставшиеся наверху спешили вытащить из воды упавших.

Надия обхватила руками деревянную балку и старалась ни на что не обращать внимания, час за часом равнодушно наблюдала за рекой, рассматривала степь на противоположном берегу, крокодилов, дремлющих на солнце, цапель, величественно вышагивающих на отмели, зимородков-рыболовов, нырявших в мутные воды в поисках добычи и одинокого ястреба, без усталости кружащегося у края облаков...

Сколько раз они занимались любовью на берегу похожей реки жарким африканским полднем в невысокой траве, после долго купания, а иногда и в самой воде?..

– А если в это время к нам подкрадется крокодил?

В ответ она громко рассмеялась:

– Тогда нас съедят вместе, но, пожалуйста, сейчас стой рядом...

Он так и стоял, обняв ее, прижавшись к ней, пока голова не начинала кружиться, и воздуха не хватало, и они погружались в воду, задыхаясь от наслаждения.

Это так прекрасно – ощущение любви в воде! И на траве тоже, и в постели, и в том желтом фургончике, оборудованном специально, чтобы случайные прохожие и полицейские ничего не заметили.

В тот день, когда они его купили, Давид решил провести эксперимент, припарковавшись в самом центре Абиджана, на площади Лапалюд.

– Ты что, сошел с ума?..

– Если нас поймают и посадят в тюрьму, то пусть это будет здесь, где твой отец сможет нас вытащить, и, к тому же, верну «рулот» тому типу, что мне его продал, поскольку нам не подходит...

Она закрыла глаза и совершенно отчетливо в своих воспоминаниях увидела причудливые фигуры из теней, что легли на потолок фургона, раму окна, с задернутыми плотно цветными занавесками, каждую заклепку кузова, дверные петли в шкафу, вентилятор, бесшумно вращающийся в правом углу... Все, что рассматривала в течение тех незабываемых часов, самых прекрасных в ее жизни – воспоминания зрительные и воспоминания чувственные: не ровного

дыхания, усиливающегося с каждой минутой, запаха их тел, запаха их «обоих», соединившегося в один – удивительная смесь запаха мужчины и женщины, черной и белого, одеколona и духов, табака и секса... Запах, который ни с чем нельзя спутать, возбуждающий их обоих, поднимающий желания на небывалую высоту, заставляющий смеяться, обливаться потом и задыхаться.

И вот сейчас она сидит в смешной позе, прижавшись к деревянной балке, наблюдая за тем, как вода струится под ногами, уставшая и голодная, дурно пахнущая потом и дорожной пылью, с трудом преодолевающая естественный стыд перед тем, что приходится справлять нужду на глазах еще двадцати заключенных, что вынуждены поступать таким же образом, слыша со всех сторон запах не мытых тел ее «товарищей» по несчастью.

Сейчас бы она отдала все, что угодно, за маленький кусочек мыла, за возможность упасть в теплую воду и мыться долго, долго, покрывая всю себя, с головы до пят, белоснежной, душистой пеной. А затем завалиться на кровать, на чистые простыни и спать часов двенадцать кряду, пока Давид не разбудит ее утром, когда солнце уже поднимется, и потом он принесет ей в постель чашечку горячего кофе, ляжет рядом и начнет гладить и ласкать ее так, как только он один умеет делать.

Не слишком ли много она просит для человека, прожившего в браке всего лишь пару месяцев?

Нет, не так уж и много и не так уж и мало. Но сейчас у нее возникло странное чувство, как будто все, о чем она вспоминала, все то ощущение бесконечного счастья осталось где-то далеко, далеко, ушло, отдалилось навсегда и никогда уж более не вернется, и то, что все происходило не с ней вовсе, а наслаждался этим какой-то другой, чужой человек. Но и одновременно с этим она до конца не принимала и не понимала происходящего вокруг нее, и каждое мгновение ее мучило еще одно странное чувство, будто сейчас она находится в каком-то кошмарном сне, из которого можно выйти в любой момент, стоит лишь проснуться, открыть глаза.

– Вот проснусь сейчас, и он будет рядом, и я расскажу ему про этот дурацкий сон, а он будет смеяться надо мной...

Но это был сон, при котором переход из небытия в реальность становился все болезненней и болезненней.

Реальность – это голод, жажда, цепи, кнут и вечно голодные глаза Амина, и еще пугающее будущее...

Господь Всемогуший, какое будущее?! В чем заключается это будущее? Стать частью гарема порочного шейха, который сделает с ней, что ему на ум придет, или ее заставят вместе с другими рабынями изображать из себя всякую мерзость, чтобы разбудить его похоть.

Лесбиянство, ревность, драки, даже убийства делают из гаремов настоящие дикie джунгли, где красивые фаворитки и остальные, потерявшие привлекательность, постоянно воюют не только за внимание своего хозяина, но и за то, чтобы перетянуть на свою сторону новеньких, тех, кого только что обрекли на эту участь.

Знаменитый турецкий султан приказал проделать скрытые отверстия в стенах, выходящих во внутрь его гарема, через которые он любил наблюдать за тем, что происходит между женщинами, когда туда швыряли какую-нибудь новенькую.

Для старого султана, ставшего уже импотентом, смотреть на все эти склоки, женские ссоры, драки были единственным развлечением, из того немного, что Аллах оставил для него на склоне лет.

Что произойдет, когда ее, Надию, учившуюся в Лондоне и Париже, закончившую с отличием Университет Абиджана, призера Олимпийских игр, влюбленную в «гениального» фотографа, кинут в такой вот гарем, где царят нравы средневековья?

– Живой я Красное море не пресеку, – пообещала она самой себе. – Сделаю все возможное, чтобы не попасть к этой арабской свинье, никогда не позволю, чтобы хоть какая-нибудь лесбиянка дотронулась до меня...

Холодок пробежал по ее спине, и она почувствовала, как Амин смотрит на нее. Обернулась. Казалось, что негр хотел пронзить ее своим взглядом, он стоял напротив и поглаживал небольшой шрам, оставшийся на лбу.

– Почему ты на меня все время смотришь? – в бешенстве закричала она. – Я сыта по самое горло видеть тебя всюду.

– В тот день, когда ты меня не увидишь, будет означать, что ты умерла, – ответил он с какой-то странной мягкостью в голосе.

Потом повернулся к ней спиной, осмотрел с довольным видом грубо сколоченный плот и, не оборачиваясь к Сулейману, произнес громким голосом:

– Сможем переправить их всех в два захода. Скоро стемнеет, тогда и спустим плот на воду.

Пока говорил, обошел хижину по кругу несколько раз, выискивая чтобы еще оторвать и приделать к плоту, наконец остановился позади старика, продолжавшего неподвижно сидеть в углу.

Вдруг ловким и стремительным движением обвил свой длинный кнут вокруг шеи несчастного и сдавил изо всех сил, и пока душил, не отрывал взгляда от Надии, которая в ужасе отвернулась.

Старик какое то мгновение боролся, дергал ногами, хрипел и пытался оцарапать Амина, но все усилия были напрасны, рука его опустилась без сил, сам он обмяк и умер.

Не отпуская тело, Амин жестом позвал ливийца:

– Позови сюда старуху...

Полковник Генри Бастьен-Матиас сидел за широким столом из темного дуба, в очередной раз зажег свою причудливо изогнутую трубку и откинулся на спинку широкого кресла.

– Сейчас у меня катастрофически не хватает людей, – сказал он, – но я все-таки постараюсь выделить несколько человек, чтобы помогли найти сеньору. Еще раз нажму на майора Амубу из Жандармерии, уверен, что он нам поможет. Он обещал выделить человека, знающего местность и способного информировать о ситуации.

– Я очень вам благодарен. – поспешил ответить Эриксон. – Я уже заверил сеньора Александра, что мы можем рассчитывать на вашу поддержку.

– К сожалению – добавил полковник, – все наши усилия будут малоэффективными, если они уже пересекли шоссе и реку. Это та линия, которую мы можем контролировать с большой гарантией успеха. Опасаюсь, что за пределами этой линии ничто не сможет их остановить, по крайней мере, до самой пустыни.

Снова зажег потухшую трубку, выпустил облако дыма и иронично улыбнулся:

– То, что не смогут сделать мои десантники, не сможет сделать никакая «Группа», даже если она существует...

– Никогда не встречались с ними?

– Нет, никогда за все то время, пока я здесь командую.

Зажужжал интерком, полковник наклонился вперед и нажал кнопку.

– Да?

– Лейтенант Лод, из Жандармерии.

– Пусть войдет, – приказал полковник.

После легкого стука дверь открылась, и в комнату вошел и встал по стойке «смирно» высокий, статный африканец.

– В вашем распоряжении, мой полковник, – отсалютовал он. – Приказ майора Амубу поступить в ваше полное распоряжение.

Полковник указал ему на кресло.

– Садитесь, лейтенант, – и представил присутствующих. – Это – сеньор Александер и сеньор Эриксон... Вас проинформировали о цели нашей встречи?

– Так точно, мой полковник, полностью информирован.

– Отлично! Что можете сказать?

– Не так много, господин полковник, хотя и совершенно уверены, что маршрут работорговцев пролегает из Нигерии, через Камерун, Гвинею, Габон, Дагомею и Того, а также проходит через нашу территорию. Точнее – между Фортом Аршембо и Буссо, уходит в сторону от зоны, патрулируемой нашими войсками на юге, и от густонаселенной зоны вокруг Форта Лами.

– Можно ли перехватить их там? – спросил Давид.

– Это около трехсот километров саванны, сеньор. Работорговцы отлично знают эту местность, каждый ее излом, каждую речушку и каждую пещеру... Нам понадобится организовать постоянное патрулирование всей этой территории, но, к сожалению, все наши люди сейчас воюют на севере.

– Есть ли информация о движении какого-нибудь каравана в последнее время? – перебил его полковник, не выпуская трубки изо рта.

– Уверены насчет одного из них, – сказал лейтенант. – Два дня назад был обнаружен труп мальчишки около шоссе, к югу от Ниелин... Он был изнасилован и задушен, по шрамам на его лице мы поняли, что он не местный, из другого региона...

Сержант из Ниелина не совсем уверен, но полагает, что подобные шрамы наносят бамиленке, живущие в Камеруне. Ожидая фотографии трупа и собираюсь начать расследование, – лейтенант замолчал и осторожно смахнул капельки пота, выступившие у него на лбу и носу. – Если он и в самом деле из Камеруна, то его привели охотники за рабами.

Полковник Генри Бастьен-Матиас задумчиво почесал лоб погасшей трубкой, задумался на несколько секунд, поискал на столе спички.

– Хорошо... – сказал он. – По крайней мере это подтверждает, что один караван пересек территорию, – он обернулся к Давиду и, старясь приободрить его, произнес. – Но это не значит, что там могла быть ваша жена...

– Это не возможно узнать, пока не найдем ее, – указал лейтенант. – Все охотники за рабами ведут себя одинаково... Почти все они способны изнасиловать и убить любого мальчишку...

– Так может быть существует какой-нибудь способ выяснить это, – предложил Давид. – В Камеруне один из следопытов сказал мне, что у двух из похитителей на ногах одеты ботинки нигерийского производства, редко встречающиеся во франкоговорящей части Африки. У меня в номере, в отеле, есть фотографии этих следов и тех, что, как они полагают, принадлежат моей жене... Может, они совпадут с теми вокруг трупа мальчика...

Африканец улыбнулся.

– Поздравляю вас, сеньор, – сказал он. – Если вы предоставите мне эти фотографии, то я сравню их с найденными следами. Немедленно выеду в Ниелин, и этой же ночью телеграфирую ответ. Организую систему патрулирования... – повернувшись к полковнику, спросил. – Могу рассчитывать на вашу помощь?

– Завтра я отправлю к вам взвод десантников, три джипа и вертолет... Осторожней с ним, это единственный, что у нас имеется!

Лейтенант кивнул головой. Было видно, что он остался доволен:

– Думаю, что этого будет достаточно. Уверяю сеньор, если они еще не прошли, то уже никогда не пройдут...

– А если уже прошли? – спросил Давид слабым голосом.

– В этом случае... Африка огромна!

«Сожалею но следы совпадают Точка Ваша жена пересекла реку Чари в среду ночью Точка Продолжаем преследовать Точка Лейтенант Лод».

В отчаянии смял телеграмму и готов был швырнуть ее в угол, но так и остался стоять перед небольшой стойкой с зажатым листом в кулаке и тупо смотрел на полки с ключами.

Портье смотрел на него озабоченно и немного смущенно.

– Плохие новости, сеньор? – робко поинтересовался он.

Давид стряхнул оцепенение, отрицательно покачал головой и вышел в сад. Остановился и долго смотрел на реку, продолжавшую спокойно и величаво нести свои темные и мутные воды, ночную тишину нарушал лишь беспокойный всплеск, то ли потревоженной рыбы, то ли то был кайман, преследующий рыбу.

На небосклоне зажглись бесчисленные звезды, их неверный свет освещал небольшой грязный пляж, кусты мимозы и низкорослые акации, отражался на поверхности луж, неровной цепочкой растянувшихся вдоль берега, откуда изредка доносилось глухое кваканье гигантской жабы.

Но Давид ничего не видел и не слышал: ни реки, ни ночных звуков, ни таинственных шорохов, мысли его были далеко отсюда, а еще он почувствовал, как в животе растет ощущение холодной пустоты. Он знал, что это был страх, но не страх по отношению к себе, а ощущение безнадежного ужаса перед пониманием того, что может так получиться, что он никогда уже не сможет вернуть Надию.

«Африка огромна».

Слова лейтенанта звучали в его голове словно приговор, произнесенный тем, кто несравненно лучше него знал как и каким образом здесь все делается и что происходит вдали от ослепленных ярким солнцем глаз европейцев. «Африка огромна» – было более похоже на «пожизненное заключение», или, что еще хуже, на «смертную казнь».

Неожиданно женский смех раздался где-то справа от него, в самом темном углу сада, затем послышались взволнованные голоса, переходящие в еле слышный шепот.

Давид опустил в кресло, зажег сигарету и попытался привести свои мысли и чувства хотя бы в какой-нибудь порядок.

Что при подобных обстоятельствах можно ожидать от лейтенанта Лод и тех десантников, что полковник передал в его распоряжение? Не так уж и много. Ограничатся тем, что будут прочесывать территорию в течение нескольких дней ради успокоения собственной совести, а затем преспокойно вернуться в казармы с ощущением удовлетворения от хорошо исполненного дела.

И от Эриксона тоже не стоит ждать многого и уж тем более от этой мистической «Группы Черное Дерево». Все, что нужно будет делать, придется делать самому.

Ему очень хотелось, чтобы Хохо был здесь. Хохо имел обыкновение не уходить от проблем, а атаковать их, независимо от того было ли это интервью с южноамериканским президентом или нужно было найти транспорт, чтобы добраться до места боевых действий.

Пьяница, забияка, грубиян Хохо, тем не менее, обладал одним свойством, которого не было у него самого – он умел располагать к себе людей, решать самые запутанные проблемы и выходить всегда сухим из воды, как бы серьезно не было запутано все дело, хотя и был первым, кто самым невероятным образом впутывался в самые противоречивые и опасные дела также.

Хохо Сальвадор принадлежал к той разновидности людей, которых можно было бы назвать «человек-белка», что с необыкновенной легкостью впутывались в разные проблемы и с такой же легкостью выходили из них, а потому он был незаменим в качестве криминального репортера или корреспондента в разных «горячих точках». Давиду нравилось работать с ним,

боле того, он даже чувствовал себя счастливым, потому что в его компании ни о чем не заботился, а лишь нажимал кнопку своего фотоаппарата в тот момент, когда Хохо указывал ему.

Вместе они образовывали идеальный тандем: один со своим артистическим чутьем, другой со своей деловитостью и изобретательностью, один – высокий, другой – коротышка, один – не в меру серьезный и молчун, другой – болтун и экстраверт. Именно Хохо Сальвадор, познакомившись с Надией, сразу же заявил: «Ты женишься на ней. Я тебя хорошо знаю.» и был первым, кто прислал телеграмму с поздравлениями после свадьбы.

И если бы он сейчас был здесь, то наверняка придумал бы с сотню способов, дурацких и вполне реальных, как можно найти Надию и уже заставил бы шевелиться трех президентов и нанял бы целую армию, половина Африки была бы перевернута вверх дном и вся Европа тоже, не упуская при этом возможности хорошенько подзаработать на репортажах о похищении, преследовании и освобождении африканской рабыни.

По правде сказать, в некоторых случаях Давид даже завидовал Хохо Сальвадор, хотя и не хотел быть похожим на него, и вот сейчас, как никогда прежде, ему нужны были его деловые качества, его практицизм и его организаторские способности.

Хохо уже бы подружился, наверное, с двумя десятками наемников, бродящих по улицам Форта-Лами и по обыкновению собирающихся попить пива на террасе отеля «Чари» и «Чадиен», и, действуя в своей раскованной манере, полной заразительного энтузиазма, убедил бы принять участие в незабываемой аванюре по освобождению из хищных лап охотников за рабами одной страдающей дамы.

Похожие типы, а также всякая пьянь, портовые грузчики, разные чолос, перуанские крестьяне, норвежские рыбаки или китайские кули – были «его людьми», с кем он общался на равных, в свое удовольствие, а они, соответственно, с ним – это были его друзья до гробовой доски или просто на несколько часов, пока выпивки хватало, с кем он свободно говорил на десяти языках и кого буквально «обезоруживал» своим спонтанным, ярким, оглушительным смехом.

И сейчас стоило большого труда поверить в то, что он умудрился совершить такую дурость, как неосторожно наступить на мину на Голанских высотах, что разорвала его на куски... и уже нельзя было послать ему телеграмму, в какой бы части земного шара он не находился, со словами «Приезжай. Ты нужен».

И он был бы уже здесь, разрабатывая тысячи самых разнообразных планов и способов, чтобы спасти Надию...

– Месье Александер?

– Да?

Какой-то негритенок кивнул головой в сторону отеля.

– Вас ожидают около дверей, месье...

– Кто?

– Не знаю, месье... Меня послал портье.

Он последовал за мальчишкой, но в холле никого не было, стоявший за стойкой портье взглянул на него и указал рукой на улицу.

Давид осторожно вышел и осмотрелся. В темноте среди деревьев он не разглядел ни одного человека, но в дальнем конце вдруг несколько раз «моргнули» фары автомобиля. Когда Давид подошел ближе, он увидел, что это был большой и мощный джип песочного цвета. За рулем кто-то сидел. Он приблизился к окну.

– Доброй ночи! Меня искали?

– Если хотите ехать, то это должно быть сейчас и никого не нужно предупреждать о своем отъезде...

– Хотите, чтобы я все поставил на эту карту?

– А вам ничего другого не остается...

- А Жандармерия? А французские десантники?
- Забудьте! Ничего не добьются, к тому же Эрикссон займется ими в ваше отсутствие.
- Тогда мне нужно будет предупредить его.
- Завтра утром ему все скажут. Об этом я уже позаботилась.

Несколько секунд он стоял и размышлял.

- Зачем вы это делаете?

– Вы сами сказали зачем... – в голосе ее появились нетерпеливые нотки. – Так вы едете или нет? Путь не близкий...

Он обошел автомобиль, открыл дверь и забрался внутрь.

- Поехали!

Она повернула ключ, огни на панели загорелись, осветив призрачным светом красивое лицо Миранды Брем, колеса заскрежетали по гравии, джип выехал с территории отеля и они направились на север. Спустя десять минут они уже неслись по шоссе на Абече.

За все это время они не обмолвились и словом, смотрели в разрезаемую лучами фар темноту и думали каждый о своем.

Наконец Давид не выдержал и нарушил тягостное молчание.

– Я так и полагал, что вы обманули меня... Вышел из вашего дома с ощущением, что все получилось по-дурацки...

– Я довольна, что мне удалось добиться этого... – ответила Миранда. – Не представляю как эта информация дошла до ваших ушей... Вся жизнь была уверена, что умею хранить секреты.

– Всегда есть некий любопытный сосед, который где-то что-то слышал, что-то где-то видел... К тому же, еще и Эрикссон был уверен, что вы солгали...

- Полагаю, что он будет вести себя благоразумно. Я очень рискую.

- Представляю... Однако, вы все еще не ответили на мой вопрос: зачем вы это делаете?

– Вы сами сказали: никакая женщина не сможет позволить, чтобы другая оказалась в подобной ситуации. Вот я и пришла к заключению, что более не смогу спать спокойно.

- И куда мы едем?

Миранда Брем слегка наклонила голову, бросила на Давида быстрый взгляд и сразу же повернулась и продолжила смотреть на шоссе. Загадочно улыбнулась.

- Все бы отдала, чтобы самой знать. Ни малейшего представления не имею.

- И все же?

– У них в пустыне есть друзья, надеюсь встретиться с кем-нибудь, кто всегда знает где их можно найти.

- Я уж начал думать, что все это легенды.

– Во многих смыслах так оно и есть, – помолчала, потом продолжила, – или станут такими – и добавила с горечью, – когда их всех поубивают.

- Почему ты полагаешь, что их должны убить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.